

Ирина Иважененкова

Заповедные берега

Оглавление:

[1. ДАНИИЛОВЫ ТРОПКИ](#)

[2. НЕРУССА](#)

[3. ПОИСК ПУТИ](#)

[4. ПАМЯТЬ ТРУБЧЕВСКАЯ](#)

[5. ВСТРЕЧА](#)

[6. ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ВСАДНИК И ДРУГИЕ](#)

[7. ПО ДОРОГЕ С ОБЛАКАМИ](#)

[8. НОЧЬ ГЕКАТЫ](#)

[9. ДАРЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ](#)

[Примечания](#)

Вдыхать,

осязать,

слушать,

следить

*Стоцветного мира
мельканье,*

Вплетаясь,

как мириадная нить,

В его священные ткани.

Даниил Андреев

Летом 2013 года я три дня жила на берегу реки Неруссы, где почти восемь десятков лет назад бродил Даниил Андреев, влюблённый в этот край и обнимаемый его ответной любовью, где рождалась его «Роза Мира» и прекрасные стихи о природе, где был подарен ему «лучший момент в жизни» – испытано одно из ярчайших мистических переживаний, прорыв в космическое сознание.

Моё общение с «таинственным манящим раздольем» стало путешествием «сквозь природу» – в ту «глубь лесной земли», которая, преломляясь в сознании, открывается небесной высью. Обретением Дома. Случилось это, конечно, не в три дня и не в один миг – вообще не во времени. Но проявилось именно на пути к Неруссе, и, смею полагать, это неслучайно.

В ходе написания – моей скудной попытки как-то облечь пережитое в форму – в текст просились, рвались вдохновенные строки Даниила, сливающиеся с песней моей души в чистейший унисон – так никто и никогда не попадал в самую глубину её звучания. Сходность строев мировосприятия даёт мне нелогичное и ничем более не обоснованное право говорить о «нашей» Неруссе как бы вместе. И стихи Даниила, конечно же, расскажут и откроют много больше, чем смогу я.

Иногда здесь будут встречаться и стихи Николая Рериха – хотя они совершенно другие по колориту и мироощущению и, возможно, на первый взгляд не вписываются в данную ткань, но так сложилось, что именно их я читала по утрам на берегу. Они говорили мне о моём незримом пути скрытой, подстрочной ниткой. Также скользнут отдельные стихотворения других авторов, вышедших в процессе повествования. Поэтому попробуем оставить жизнь в её целостности и многогранности на этих страницах. Вдруг всё и уместится.

1. ДАНИИЛОВЫ ТРОПКИ

Очень далеко гуляю один.

Из письма Даниила Андреева брату

Даниил Андреев, поэт и духовидец, вошёл в мою жизнь неожиданно-негаданно – мягким изданием «Розы Мира», доверительно лёгшим мне в руки в книжном магазине. Тот самый случай, когда не ты выбираешь книгу, а она – тебя.

Эта книга давно смутно мелькала где-то на горизонтах, но что-то во мне не позволяло приблизиться к ней, что-то настораживало, пугало, отстраняло (как и всё «переводящее стрелки путей»). И вот она так легко оказалась в моих руках... Я принесла её домой и поставила на полку: ну, думаю, тут 800 с лишним страниц, это серьёзно. Пока не буду заморачиваться – зимой почитаю. Однако оказалось, что некогда ждать зимы: *пришло время*. И «Роза Мира» раскрыла свои страницы-лепестки, и на меня хлынул светоносный, лучезарный, всепреображающий и всевоскрешающий поток Любви...

Мой прекрасный друг и мудрый наставник А. посоветовал для начала познакомиться с самим Даниилом, через книгу воспоминаний его жены Аллы – «Плаванье к Небесному Кремлю». Плаванье с Аллой Андреевой вышло ошеломляющим – по той степени

узнавания в строках, открывающих черты образа внутренней личности, себя самой. Словно я была частью того же Сознания, частью которого была и Алла, которым был и Даниил. Отсюда необычайная схожесть эмоционально-чувственного строя и характера, поведения, аналогичные реакции на подобные ситуации, отсюда общность житейских привычек и духовных устремлений, отсюда же и манера написания текста, даже словесный набор во многом «мой».

Так я обрела неведомое мне ранее уникально-созвучие-единение с автором «Розы Мира», к которому вышла благодаря не менее потрясающему взаимопроницаемому слиянию с сознанием моего друга А., звучащему согласием основных тонов, главных нот, доминант. Как эти отражения сознаний в многоцветном космическом небе были радостны, как они были – даже не удивительны – невероятны!..

Одно уже это обстоятельство сильнейшим магнитом притянуло меня к тропам Даниила Андреева, тем более, когда выяснилось, что он очень любил наши брянские леса и не раз приезжал летом в Трубчевск, откуда и отправлялся в длительные одиночные «экскурсии» босиком по широкой и бескрайней русской дали.

«Уезжая из Москвы, Даниил сразу разувался и в Трубчевске ходил босиком. «Босикомхождение», так это мы в шутку называли, для Даниила не было позой, выдумкой. Он действительно чувствовал босыми ногами жизнь Земли. Различал разные оттенки её голоса. А в городе чувствовал излучение энергии жизненной силы тех людей, которые ходили по городу», – пишет Алла Андреева в своих воспоминаниях.

Мне очень понятна эта страсть, а скорее – жизненная необходимость в хождении босиком. Я разделяю её, хотя и не столь последовательно и непреклонно: в городе я хожу в обуви, правда, это стало трудно. Природа этого явления в моём случае не подражательного типа, вовсе нет – это моя личная потребность, проявление которой удивительным образом совпало со знакомством с Даниилом (да просто я влилась в наше с ним общее Сознание, хоть и на своём уровне), но суть которой зазвучала во мне задолго до этого периода: «Я иду в длинной светлой рубахе по просёлочной дороге. Кругом лето, поля, перелески. Я так люблю эту землю. Так люблю эту землю... Бесконечно. Я целую её, загорелую серо-золотистой пылью, босыми ногами. Над ней ясное небо в перистых облаках». Эти строки написаны мной десять лет назад, они были внутренним стержнем повествования, внутренней поэтикой прозы моего бытия.

Разувшись в первых числах мая 2013 года и ступив на нежную зелёную травку, я испытала насквозь пронзающее всё моё существо чувство *со-единения*. Босыми ногами я, будто только того и ждала, за это лето отыскала (проложила?) тропинку к самой себе, к себе настоящей – сильной, светоносной, полётной, истинно живой. Мои стопы, соприкоснувшись напрямую с плотью матери-земли, чуть ли не кричали мне «спасибо!», этот контакт высвободил колоссальное количество заблокированной энергии. С каждым днём мои шаги были всё легче и легче, пока я не поняла, что иду, образно говоря, по облакам...

Замечу, что произошло это откровение более чем за месяц до встречи с Даниилом и «Розой Мира». Эти синхронизмы не удивительны: к нам приходит именно то, что уже есть в нас. Книга лежала на той самой полочке, до которой доросло моё сознание, и просто проявилась в мире материальном.

Но вернёмся в тридцатые века минувшего, к Даниилу Андрееву.

«Отношение Даниила к природе, его восприятие природы было необыкновенно серьёзным и глубоким, – пишет Алла Андреева. – Почти все стихи этой темы родились в связи со скитаниями в лесах около Трубчевска, маленького древнего русского города на расстоянии двух часов езды автобусом от Брянска».

Уже в первый приезд, в августе 1930 года, двадцатичетырёхлетний Даниил поражён странной и необъяснимо притягивающей красотой здешних мест. *«С круч... (с Соборной горы Трубчевска – прим. И.И.) открывается необъятная даль: долина Десны вся в зелёных заливных лугах, испещрённых бледно-жёлтыми точками свежих стогов, а дальше – брянские леса: таинственные, синие и неодолимо влекущие. В этих местах есть особый дух, которого я не встречал нигде; выразить его очень трудно; пожалуй, так: таинственное манящее раздолье»*, – писал он позже брату Вадиму в Париж.

Лесные скитания были для него, думается, священными, сакральными – странствиями духа, о чём свидетельствует и тот факт, что даже имени, определения «этому» он не решался дать:

«САМОЕ ПЕРВОЕ ОБ ЭТОМ»

Дедов бор, полотно, и неспешно влачащийся поезд,

Стены чащи угрюмой... И вдруг –

Горизонт без конца, и холмов фиолетовых пояс,

И раскидистый луг.

Ярко-белых церквей над обрывами стройные свечи,

Старый дуб, ветряки –

О, знакома, как детство, и необозрима, как вечность,

Эта пойма реки.

Вновь спускаться ложбинами к добрым лесным великанам,

К золотому костру,

Чтобы утром встречать бога-Солнце над белым туманом

И стрекоз синекрылых игру;

Возвращаясь на кручи, меж серой горячей полыни

Подниматься в вечерний покой,

Оглянуться на лес, как прощальное марево, синий
За хрустальной рекой,

Где я шёл, где блуждал по зелёным певучим дорогам,
Только дикие стебли клоня;
Сердце мирное Солнцу открыть – неизменному богу
Мимолётного дня.

(Д.А., 1932, из цикла «Зелёной поймой»)

И ещё цитата из писем Даниила брату времён первого приезда:

«Красота тут сказочная, и я только смотрю и слушаю. Очень далеко гуляю один. Жара, я чёрен как уголь. Был на лесных озёрах, куда ещё прилетают лебеди... Тут безграничный простор, целая страна развёртывается у ног. И когда идёшь – невозможно остановиться: версту за верстой, и в конце концов уходишь так далеко, что обратно едва доползаешь, уже к ночи.»¹

Позднее прогулки эти часто занимали уже не один день. Сутками напролёт, вооружившись в лучшем случае подробной картой местности, а то и без оной, Даниил в одиночку ходил из деревни в деревню, вдоль рек и поперёк непроходимых чащ (немереч), через луга и леса. Ночным пристанищем служил стог сена или мягкий мох.

...Я вышел в путь – как дрозд поёт: без цели,
Лишь от избытка радости и сил,
И реки вброд, и золотые мели,
И заросли болот переходил.
И, как сестра, мой путь сопровождала
Река Неруса² – юркое дитя:
Сквозь заросли играя и светя,
Она то искрилась, то пропадала.
Деревни кончились. Но ввечеру

Мне мох бывал гостеприимным ложем.
Ни дровосек, ни рыболов захожий
Не подходил к безвестному костру,
И только звёзды, пестуя покой мой,
По вечерам ещё следить могли,
Как вспыхивает он над дикой поймой –
Всё дальше, дальше – в глубь лесной земли...

(Д.А., из поэмы «Немереча», 1937 – 1950)

Мужеству и бесстрашию Даниила надо отдать должное. Никакие препятствия – отсутствие еды и воды на протяжении нескольких дней, непроходимость болотных топей и беспросветно заросших кустарниками и плющом участков, даже встречавшиеся на пути лесные пожары – не могли заставить его повернуть назад:

...Идти обратно? Безопасным, долгим
Окружным шляхом? тратить лишний день?
Нет! целиной! по сучьям, иглам колким:
Так интересней: в глушь, без деревень...

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

«Так интересней!»... К слову, одно из таких путешествий едва не стало смертельным для Даниила. О сокровенном опыте – встрече со смертью, её смиренном принятии и о чудесном спасении некими таинственными силами – и сказано им в поэме «Немереча», фрагменты из которой были приведены выше.

Любой здравомыслящий человек скажет на это: ну и зачем? К чему такое безрассудство, столь неоправданный риск? – А как иначе пройти по изнанке матрицы (как метко выразился мой друг А.), по бездорожью диких, затемнённых уголков собственного сознания, глотнуть воздуха свободы и посмотреть в глаза себе самому? Есть ли другие способы ощутить истинное единение с Природой, многосущностной и космически-

целостной одновременно, почувствовать всю ласку и любовь невидимых стихий и прикоснуться к самой Душе Земли?

...Ещё таинственной, вневременной
Живую глубь стихий почует,
Кто у костра один ночует
Над дружелюбною рекой,
Кто в этой вещи, мудрой темени
Души Земли коснется страстной,
Даст путь раскрыться ей, безгласной,
И говорить с его душой.

Здесь на полянах – только аисты,
И только цаплями изучен
Густой камыш речных излучин
У ветхого монастыря;
Там, на откосы поднимаясь, ты
Не обоймёшь страну очами,
С её бескрайними лесами,
Чей дух господствует, творя...

(Д.А., из стихотворения «Русские октавы», 1950)

Может быть, другие способы и есть. Наверняка есть. Но все они окажутся не менее рискованными и безрассудными. Ибо хождение по внутренней стороне – это в принципе не рассудочный путь, это всегда хождение по краю, по лезвию бритвы.

Возможно, именно трубчевские тропки проложили Даниилу дорогу в пространство иных реальностей, впустили его в трансцендентное, где открылось его духовному видению многослойность трансфизического мироустройства, полнота метаисторических картин и

где явилась во всей красе грядущая Роза Мира. Но и они, эти тропки, конечно же, были предопределены его судьбой, его задачей, с которой он пришёл.

Зачем-то незримые силы вывели и меня к этим заповедным берегам. Как позвала меня Нерусса, как встретила и что подарила – обо всём будет поведано далее.

2. НЕРУССА

К Нерусе милой, не спеша текущей

По тайникам...

Даниил Андреев

В последний раз Подесенье видел Даниил Андреев в 1940 году, в возрасте 34 лет. Я в свои 34 года (*совпадение*) этим летом словно подхватила эстафету, летящую в неизвестном пространстве 73 земных года. Срок человеческой жизни.

Разумеется, эта эстафета – уровня моей личной истории. Ничего глобального в ней нет. Тут другое. Мне просто радостны эти незримые тончайшие связи. Я просто люблю «Розу Мира», люблю бескрайние брянские дали, нас по стечению обстоятельств объединившие, люблю тихую и ласковую Неруссу, люблю Даниила и проходящий через его сознание чистейший живительный *Поток*. Всё в нём говорит мне о Любви, переполнявшей его сердце, эта Любовь сквозит в каждой строке его текстов, это она вливается и постепенно наполняет и моё сердце, растворяя многие и многие преграды чудесным своим течением.

А что такое 34? – 34 затомиса синклитов метакультур человечества названо в «Розе Мира», *опоры* народоводительствующей; 34 позвонка в позвоночнике человека, *опоры* физического организма, основной наш канал-проводник праны, жизненной силы, энергии. То есть получается некая полнота состава действующих Сил... Взглянув на карту вчера, увидела, что место моего пребывания на Неруссе находится в точке на 34-м меридиане восточной долготы. Меридиан – тоже измерение вертикали, пусть и условное.

К числам я отношусь внимательно. Есть у меня число в месяце, словно открывающее невидимый портал, когда случается прорыв должных и значимых событий моей жизни, скачок сознания, когда помощь Высших Сил ощутима наиболее сильно, когда вероятны знаковые встречи и существенные перемены, и перемены эти всегда свершаются будто по мановению небес и открывают новые горизонты. Это число и номер моего дома, в возрасте этих лет через меня прошло «оттуда» первое стихотворение... Потому я прислушиваюсь к числам. В них заключена магия, об этом людям известно с древнейших времён.

Но уж пятая страница текста, а мы всё никак не выйдем в дорогу.

Нерусса мелькнула отсветом своих вод ещё весной, до появления «Розы Мира» и до знакомства моего с Даниилом Андреевым. О ней упоминала в разговорах Катя из заповедника, приходя ко мне изредка в гости на чашку чая с чабрецом. Мы столкнулись с Катей на переходе, на крутом изломе наших судеб, нас притянула сходная ситуация

коренного изменения жизненного пространства и выхода на какой-то новый, очень важный порог. Катю, многолетнюю служительницу местного телевидения, Поток вынес в заповедник «Брянский лес», меня – из комфорта семьи, сквозь призрак любви и пожар страстей, – в честность одиночества и ещё одно измерение, приблизившееся настолько, что я ощутила его прикосновение. Здесь и ждала меня «Роза Мира».

Катя говорила о Неруссе с большой любовью и благоговением. Она же показала мне и дорогу в сторону брянского заповедника, когда я помогала ей с переездом, – в те места между Трубчевском и Суземкой, где странствовал Даниил и которые в 1987 году благодаря Игорю Шпиленку большей своей частью стали заповедной территорией «Брянского леса».

Даниил особенно любил Неруссу: *«Даже великолепную Волгу не променяю я на эту никому не известную речку. Она течёт среди девственного леса, где целыми днями не встречаешь людей, где исполинские дубы, колоссальные ясени и клёны обмывают свои корни в быстро бегущей воде, такой прозрачной, такой чистой, что весь мир подводных растений и рыб становится доступным и ясным. Лишь раз в году, на несколько дней, места эти наводняются людьми; это – дни сенокоса, проходящего узкой полосой по прибрежным лужайкам. Сено скошено, сложено в стога (очень удобные, кстати, для ночёвок) – и опять никого – на десятки вёрст, только стрекозы пляшут над никнущими к воде лозами».*

Я не читала этих строк тогда. Может быть, в этом случае я с ещё большим поклонением и трепетом стремилась бы к этим берегам. Но одновременно этот же момент осложнил бы мне и без того непростой путь. Ведь, как водится, что слишком высоко ценишь, то легко не даётся.

А вот о чём мне было известно, так это о событии экстраординарном в жизни Даниила – мистическом озарении, испытанном им в ночь полнолуния на 29 июля 1931 года в тех местах. В письме Е. Н. Рейнсфельдт, датированном 14 декабря 1933 года, он так пишет об этом:

«...Лучшим моментом в моей жизни была ночь в июле 31 года, проведённая у костра на плёсах р. Неруссы. Само собой разумеется, я не претендую (Боже упаси!!) на космическое сознание, но пережитое в ту ночь было крошечным приближением... к нему (прорывом). Меня тогда охватило невыразимое благоговение, и не кровавым смятением, а великолепной, как звёздное небо, гармонией стала вселенная. Я обращался к Луне, быть может, с тем чувством, которое поднимало к ней сердца далёких древних народов. Всё было в росе, всё сверкало, поляны казались покрытыми блестящими тканями, и когда я снова вернулся и лёг у костра, ветви ракут блистали, словно покрытые лаком. А дальше, за ними уходили в божественной тишине таинственные, залитые синевой пространства, сверкающий луг, чёрная неизвестность опушек, песчаные отмели – днём жёлтые, а теперь голубые. Я лежал, то следя за ветвью, слабо колеблемой над моей головой жаром костра, то лоя скрывающуюся за ней голубую Вегу, то отворачиваясь и снова окунаясь взглядом к низко нависшим листьям, вырезавшимся на белом диске луны, как тонкий японский рисунок. Звёзды текли, и казалось, что вся душа вливается, как река, в океан этой божественной, этой совершенной ночи! Птицы, смолкшие в чащах, люди, уснувшие у хранительного огня, и другие люди – народы далёких стран, солнечные города, реки с медленными перевозами, сады с цветущим шиповником, моря с кораблями, неисчислимы храмы, посвящённые разным именам Единого, – всё было едино. Всё-таки были минуты, когда стёрлась грань между я и не-я. Я хочу надеяться, что это ко мне пришло не в последний раз, но, кажется, повторение будет не скоро... В то лето всё

состояние внутреннего мира и даже стечение внешних обстоятельств удивительно способствовало этому самораскрытию».

Это переживание запечатлено и на страницах «Розы Мира»:

«И когда луна вступила в круг моего зрения, бесшумно передвигаясь за узорно-узкой листвой развесистых ветвей ракиты, начались те часы, которые остаются едва ли не прекраснейшими в моей жизни. Тихо дыша, откинувшись навзничь на охапку сена, я слышал, как Нерусса струится не позади, в нескольких шагах за мною, но как бы сквозь мою собственную душу. Это было первым необычайным. Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось всё, что было на земле, и всё, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медленно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и всё, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, и другие люди – народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря, неустанно покачивающиеся, и степи с колышущейся травой – действительно всё было во мне той ночью, и я был во всём».

Даниил Андреев признавался, что выразить невыразимое, приблизить его хоть сколь-нибудь к испытанному он так и не смог – ни в «Розе Мира», ни в строках стихов.

Пережив чудесную ночь, позже он пытался вернуть это состояние, вновь создавая те же самые условия, приходил так же, в ночь полнолуния, на то же место – но всё было напрасно. Привлечь искусственно силы трансцендентные, открыть окошко духовного видения, космического прозрения отсюда, с этой стороны, невозможно. Нам остаётся только готовить себя к возможности некоего сакрального опыта, который мы потенциально способны воспринять, очищая и совершенствуя своё существо, совершенствуя и вновь очищая.

К Даниилу такая возможность вернулась – вновь неожиданно – лишь на дорогах войны, под Ленинградом, когда ему впервые приоткрылись жуткие пейзажи инфрамиров, а затем в пятидесятые годы, в стенах камеры Владимирской тюрьмы, где и был будто «под диктовку» (по словам очевидцев) написан основной труд всей его жизни – «Роза Мира».

Я же вышла в путь не за этим. Нерусса просто позвала меня, и я поехала на зов – искать её заповедные берега, без цели, вне каких бы то ни было надежд и ожиданий. Я хотела вынырнуть из омута будней хотя бы на пару дней в живое пространство уединения и чистоты, подальше от людей и цивилизации и поближе к Небу, вдохнуть немного воздуха свободы.

«Кликнул вдаль меня клин журавлиный,

По родимым дорогам позвал...»

(Д.А., из стихотворения «Я не знаю, какие долины...»,
1937 – 1950)

3. ПОИСК ПУТИ

Лёгкий след твой в млечной пыли

Я найду!

Даниил Андреев

Сначала пришлось поехать на разведку – на одну ночь.

Много, много препятствий встало на моём пути к Неруссе. Непогода – в конце июля бушевали грозы и шквалистые ливни, незнание маршрута, откладываемый по различным обстоятельствам отпуск, ключевые этические моменты, немаловажные материальные, отсутствие палатки и просто-напросто опыта жития на дикой природе вдаль от людей в одиночку. Кто знает, каково оно ночью в лесу, когда ты один, наедине с собственным сознанием? Какие страхи выйдут из тёмных его уголков? В виде диких ли зверей, пьяных ли людей? В образе призраков, шорохов, шагов, ощущения присутствия невидимых существ? Каких врагов нужно будет бояться? Насколько страшен ты сам?

Ничего этого я не знала.

И как поступить практически, чтобы защититься в случае чего? Положить в палатку топорик? Это не выход для меня – нанести удар таким оружием ни зверю, ни человеку я не смогу. Единственное, что я сумела бы, пожалуй, это распылить в лицо врагу противокомариный аэрозоль. Что, впрочем, поможет ненадолго, если только нападающий не комар. Впервые я задумалась всерьёз о том, чтобы овладеть в будущем азами какого-либо вида восточной борьбы. И тут же передумала обратно: схватки боевые в виде рукоприкладства – это не мой метод. К тому же овладеть «оружием» – то же самое, что «повесить его на стену»: выстрелит. То есть неминуемо придётся воспользоваться. Потому я решила ехать как есть, уповая на милость Всевышнего.

В самих заповедных краях я никогда ранее не бывала. Неруссу в глаза не видела. Подробной карты местности у меня не было. Проводник, обещавший показать дорогу, неожиданно пропал. И это правильно: свою дорогу я должна была найти сама, сердцем. Так честнее.

Найдя на карте в Интернете примерную линию дороги, ведущую к голубой ниточке реки на расстоянии около 160 км от Брянска, вооружившись девизом «будь что будет», я поехала в полную неизвестность.

Об этой разведочной поездке скажу очень кратко.

Единственно чудом дорогу я нашла, поворачивая по наитию. Единственно чудом на берегу, посещаемом только рыбаками (с плотностью в среднем 1 рыбак на полкилометра), не было никого на самом красивом месте у излучины реки, отстоящем от рыбацкой накатанной колеи вглубь на пару десятков метров. Дальше, как выяснилось, дорога шла крайне плохая и вела она в густеющие заросли, и потому люди сюда уже не доезжали, за очень редким исключением.

Пришлось поверить в сказку: я оказалась самим Провидением приведена на заповедный берег, встреча с которым притягивала меня так же, как некогда звала она Даниила Андреева.

Что это за берег? Это в меру высокий (в этом месте – в человеческий рост) левый берег реки, где неширокое русло изгибается, приоткрывая горизонты. Солнце всходило в месте, откуда течёт река.

Нерусса

А заходило там, куда она утекает.

Противоположный берег частично был укрыт кустарником и увит живописным плющом. Саму стоянку хранил старый дуб (его магию я постигла позже), за спиной открывался вид на роскошный цветущий луг, окаймлённый лесами. Ракитовые кусты и прочие заросли отгораживали с одной стороны от колеи и давали тень.

Нерусса, добрая и ласковая, с изящным узором течений на русой глади воды, сразу пришлась мне по душе. А я, видимо, ей. Мы отразились друг в друге. Простая, неприхотливая и незаметная, она несла свои дары этой земле.

В окрестностях Трубчевска Нерусса впадает в более крупную Десну, о которой так красиво писал Даниил:

О, не так величава – широкою поймой цветущею
То к холмам, то к дубравам ласкающаяся река,
Но темны её омуты под лозняковыми кущами
душа глубока.

Ей приносят дары – из святилищ – Неруса цветочная,
Шаловливая Навля, ключами звенящая Знобь;
С ней сплелись воедино затоны озёр непорочные
И лукавая топь.

Сказок Брянского леса, певучей и вольной тоски его
Эти струи исполнены, плавным несясь серебром
К лону чёрных морей мимо первопрестольного Киева
Вместе с братом Днепром.

И люблю я смотреть, как прибрежьями, зноем
сожжёнными,
Загорелые бабы спускаются к праздной воде,
И она, переливами, мягко-плескучими, сонными,
Льнёт к весёлой бадье.

Это было всегда. Это будет в грядущем, как в древности,
Для неправых и правых – в бесчисленные времена,
Ибо кровь мирозданья не знает ни страсти, ни ревности,
Всем живущим – одна.

(1950)

Прибрежное пространство поразило резонансной чуткостью, деликатностью, утончённостью. В вечерних и утренних сумерках трубил благородный олень, помявший луговые травы неподалёку от моей стоянки. Пели свои песни на разные голоса прекрасные птицы. Насекомые на удивление не грызли и не были назойливы. Ночных гостей не было. – Словом, ничто здесь не хотело испугать меня и потревожить. Даже гроза, ходившая в те дни вокруг да около, щедро поливающая землю, пропустила меня: я проскочила в эти сутки буквально между струйками. Зато на обратном пути получила своё сполна – мы с Грантой были вылощены не меньше десяти раз за три часа дороги, проходя сквозь плотные белые ливневые стены. Как тут не вспомнить Данииловы строки:

Вдали – как из ведра:

Не облако – гора!..

.....

Ни воздуха, ни струй:

Всё слито в поцелуй...

(Из стихотворения «Ливень», 1950, цикл «Босиком»)

Вдохновившись таким дорогим подарком – билетом в чудесный заповедный мир, я собиралась вернуться через пару недель.

И вернулась, как и обещала.

...Священный

и страшный и благословенный

лес. Дай ловцу пройти тебя.

Не удержи его. Не скрой

пути и тропинки. И не

испугай. Я ведь знаю, ты

многоголосый. Но я слышал

твои голоса...

(Н. К. Рерих «Наставление ловцу, входящему в лес»)

4. ПАМЯТЬ ТРУБЧЕВСКАЯ

О, избранной страны просторы богатырские!

О, высота высот! О, глубина глубин!

Даниил Андреев

Наступили долгожданные дни отпуска.

В ясное и порывистое воскресенье 4 августа я, укомплектовавшись с расчётом на трое суток, вышла в открытое плавание на всех парусах. Вернее, мы вышли: я и Гранта, моя верная машина, совершенно живое существо, конь мой крылатый, отвечающий на мою любовь своей чуткостью, уносящий меня в надземную даль.

Лети же, светла, легка,

На зов голубого рога,

Дорога! Птица-дорога!

Кочующие облака!

(Д.А., из стихотворения «Как участь эта легка...», 1937, цикл «Босиком»)

Теперь-то уж я знала, куда еду, и дорогу держала спокойно, без напряжения, не торопясь – с наслаждением, которое неизменно дарит мне всякий относительно дальний путь.

По маршруту следования стоял древний Трубчевск, который тогда я миновала поспешно, немного поплутав в центре. Сейчас же хотелось остановиться в нём на пару часов, побродить по тем самым улицам, где ходил Даниил Андреев, взглянуть на дали, открывающиеся с вершины Соборной горы – высокого холма, на котором была расположена крепостная стена, давшая городу рождение более чем 1000 лет назад.

Я оставила Гранту отдыхать на парковке за кинотеатром, а сама отправилась на поиски дома, где любил проводить часы дружеских бесед Даниил и на котором должна быть, по уверениям Интернет-источников, прикреплена соответствующая мемориальная табличка.

Здесь надо пояснить, как и почему Даниил, живший в Москве, оказался в Трубчевске. Оказывается, отсюда тянулись корни его генеалогического древа по материнской линии. «Трубчевск был для него напоминанием о матери, которую ему не суждено было узнать. Как видно из архивных документов, еще в 1883 году дед Даниила Андреева по материнской линии Михаил Михайлович Велигорский переехал с Украины в уездный центр Орловской губернии – городок Трубчевск и прожил там одиннадцать лет. Он служил управляющим удельного имения, дважды избирался гласным трубчевской земской управы, принимал деятельное участие в жизни города и уезда», – пишет Галина Павлова в своём архивном исследовании «Трубчевск и трубчане в жизни и творчестве Даниила Андреева» (http://www.rodon.org/andreev/_titvjitda.htm).

«Дедовский бор» воспет им, в частности, в стихотворении «Русские октавы» (1950):

Мой край душистыми долинами

Цветёт меж дедовского бора.

Сосновых толп живые хоры

Поют прокимн, поют хвалу,

И множествами журавлиными

Лесные шелестят болота –

Заклятью верные ворота

В непроницаемую мглу.

По словам старожил, впервые привезла Даниила на берега Десны его московская знакомая, пожилая уже Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович, писательница, журналистка, духовная наставница актрисы А. К. Тарасовой. Квартировал молодой поэт и в этот раз, и во все последующие в доме Марфы Фёдоровны Шавшиной.

«Как вспоминают о ней, Шавшина старушка была мудрая, вращалась всё больше среди купечества – стирала трубчевским купцам белье. Её бревенчатый домик, давно поменявший хозяев, под тёсовой крышей, тремя окошками выходит на поперечную улицу Дзержинского», – рассказывает прошедший по следам Даниила Андреева Борис Романов в своём отчёте. Сад же примыкал к саду семьи Левенков, с которой Даниил сдружился очень близко. Подробности поясняет Борис Романов: «В саду Марфы Фёдоровны рядом с изгородью росли груши, и в ней, чтобы собирать те, что падали с залезших к соседям раскидистых ветвей, была сделана калиточка. Через нее и ходил шавшинский квартирант к Левенкам».

Даниил Андреев в Трубчевске (крайний слева). Архивное фото из [книги Бориса Романова](#)

Стихотворение Даниила «Памяти друга», посвящённое главе семьи – Протасию Пантелеевичу (художнику, учителю рисования), приоткрывает нам образ последнего как человека глубокого, мудрого и чуткого:

Был часом нашей встречи истинной

Тот миг на перевозе дальнем,

Когда пожаром беспечальным

Зажглась закатная Десна,

А он ответил мне, что мистикой

Мы правду внутреннюю чуем,

Молитвой Солнцу дух врачуем

И пробуждаемся от сна.

Он был так тих – безвестный, седенький,

В бесцветной куртке рыболова,

Так мудро прост, что это слово

Пребудет в сердце навсегда.

Он рядом жил. Сады соседили.

И стала бедная калитка

Дороже золотого слитка

Мне в эти скудные года...

«Левенок для Даниила Андреева во многом, наверное, был образцом жизни гармонической, проходящей в родстве с природой, в увлечённости искусством, помнящей о человеческом братстве», – предполагает Борис Романов.

Дом Протасия Левенка стоял на улице Орловской (ныне Ленина). Он был приобретён хозяином в 1904 году и должен там быть и сегодня, так как 4 ноября 1995 года на нём прикрепили мемориальную доску в честь Даниила Андреева. Не минуло ещё и двадцати лет, срок несущественный для истории.

Я пошла искать.

Трубчевск... Тихий, древний, запечатлевший в своих хрониках немало исторических лиц и событий, помнишь ли ты Даниила?

Интеллигентный и скромный, с благородными чертами лица, «взрослый ребёнок» с полным отсутствием «жизненной хватки», инопланетянин, существо не от мира сего, речью и обликом словно чистый поток воздуха, босиком гуляющий и по траве, и по воде «яко посуху», и по битому стеклу – таким остался он в памяти многочисленной семьи Левенков.

«Природа была для него единым, живым организмом, он никогда не приносил из леса грибов, ягод или цветов, лишь восхищался ими, никогда не срывая их, а небольшую красивую речку Неруссу просто боготворил», – вспоминает одна из дочерей учителя, Лидия Протасьевна.

Нынешние трубчевцы о доме Левенка не знают. Улица Ленина? А это вон туда, от поста милиции вниз. Иду аккуратно, прислушиваясь, пытаюсь узнать облик дома. Вскоре дохожу до пожарной каланчи, построенной в 1894 году, – уж она-то должна помнить!

Пожарная каланча

Любуюсь архитектурой. Напротив дом с мемориальной табличкой. Неужели? Прямо напротив пожарки? Даниил где-то писал, что на ней «каждый час бьют в колокол». Подхожу с замиранием сердца, вчитываюсь: в этом доме жил и работал Степан Павлович Кузькин, трубчевский поэт, журналист и писатель. Пожарные, вышедшие из ворот станции, на мой вопрос о доме с табличкой Даниила Андреева снова указывают мне на эту дощечку – так вот же она! Я им говорю: то Кузькин. А Вам не Кузькина надо? Нет, говорю...

Отправляют меня ниже по улице. Иду. Старых домов, чтоб вот того времени, как-то уже и нет. Прохожу мимо двухэтажного коттеджа за высоким забором. Через несколько метров пристаю к пожилым трубчанкам, ведущим неспешный житейский диалог:

– Простите, Вы не подскажете, где здесь дом, в котором останавливался Даниил Андреев, писатель? Там ещё мемориальная доска должна быть прикреплена.

– Доска? – охотно идёт на контакт одна из женщин. – Так Вы ж прошли, напротив пожарной каланчи.

– Там Кузькин, – говорю.

– Ну да, – радостно подтверждает старушка. – Кузькин!

– А мне нужен Андреев, Даниил, писатель такой.

– Ну, тогда ещё напротив школы есть табличка, и рядом с моим домом... – начинает вспоминать она.

– Ну что ты говоришь, – перебивает её другая старушка, – там кому табличка-то? Игнатову! А нужен кто?..

И неожиданно вносит хоть какую-то ясность, обращаясь ко мне:

– Дом тот продали и снесли, на его месте новый построили, а табличку неизвестно куда дели. Может, перевесили, не знаю. Но теперь не видно ничего, там забор высокий. Грузины построили, дом-то большо-ой.

Понятно. Спасибо за информацию. Большой новострой за высоким забором я знаю. Дом номер 51. Разворачиваюсь и с чувством большого сожаления о снесённом доме Левенков иду в центр, к площади, за которой должен быть парк – на Соборной горе. Парк-то уж не снесут...

Разноцветные волны благоуханий настигают всякого пересекающего трубчевскую площадь, украшенную всевозможными клумбами! Тёмно-сладкие лиловые, сиреневые, нежные белые и голубые, горьковато-терпкие оранжевые и жёлтые оттенки ароматов, вскружив тебе голову, оседают на тело легчайшей цветочной пылью, бесконечно радуя глаз и восхищая душу.

В центре Трубчевска сохранилось много зданий, представляющих собой образцы архитектуры прошлых веков. Их знал и Даниил. Гостиный двор. Педагогическое училище. Детская школа искусств имени Вяльцевой.

Ворота в школе искусств имени Вальцевой

По дороге к парку вижу интересный дом «гармошкой» – сросшиеся два близнеца, с нижним каменным этажом, выкрашенным в голубой, и верхним деревянным.

Слева от входа в парк – развалины любопытного краснокирпичного храма с колоннами, напоминающие, скорее, западноевропейские постройки, чем русские.

Табличка на развалинах не сообщила ровным счётом ничего: буквы, вероятно нанесённые простой краской на металл, стёрлись подчистую. Уже потом я узнала (спасибо Интернету), что это руины церкви Преображения, изначально возведённой как безглавый католический костёл (в 1640 – 1645 гг.), потому как город принадлежал польскому государству. После присоединения Трубчевска к Руси костёл перестроили в стиле русского барокко, добавив пятиглавое завершение. Сейчас церковь сохранила только основной объём и своды. Говорят, внутри можно увидеть остатки поздней росписи.

Парк приятно удивил своей аккуратностью и чистотой.

Снова роскошные цветочные клумбы, яркие и многоцветные. Справа – значительный по размерам бюст Максима Горького, крёстного, между прочим, отца Даниила Андреева. Затем живописный тенистый овраг с изумрудной, очень свежей зеленью.

Белые скульптурки оленей прячутся слева среди деревьев. Посреди центральной аллеи – «бронзовый» фонтанчик, скромный, но симпатичный, льющий хрустальные струи в солнечный день. Венчает чаши фонтана миниатюрная парочка влюблённых в одеяниях XIX века под зонтиком. Ах, на неё же попадает, подумала я. От изливающегося счастья не уберечься!

Прямо по курсу – центральная композиция, посвящённая 1000-летию города: Боян, смотрящий в небо и беззвучно воспевающий хроники трубчевской летописи в веках, наиболее значительные события которых отражены в скульптурном панно.

Я свернула вправо и сразу вышла на красивый белый храм – Троицкий собор.

Троицкий собор

Он стоит на самом высоком месте Соборной горы, это первое каменное здание Трубчевска, ещё досмутного периода. В его архитектуре переплелись отголоски самых разных эпох и стилей.

«В 1971 году археологическая экспедиция Раппопорта выявила остатки каменного храма XII века у стен алтаря. Между 1503-м и 1520-м годом, когда Трубчевск отошёл к Московскому государству, на месте вместо древней церкви возвели новую – бесстолпную, с высоким подклетом. От неё сохранилась родовая усыпальница князей Трубецких, которая ныне составляет часть нижнего этажа существующего собора. В усыпальнице семь уникальных княжеских надгробных плит XVI века, восьмая плита – в музее. Кроме того, там же захоронены поздние благотворители собора из купеческого сословия. Во время польской интервенции 1618 года соборная церковь была разорена войсками гетмана Жолкевского. В 1646 году на её месте трубчевский воевода Иван Еропкин приступил к возведению третьего, уже деревянного собора, строительство которого завершил воевода Патрикей Исупов. Троицкий собор, каким мы видим его сегодня, был возведён купцом Василием Савиным в 1784 году в стиле русского барокко. В 1824 году к собору была достроена четырёхъярусная колокольня, спроектированная по канонам классицизма. В 1910 году к северо-восточной части собора был пристроен Ниловский придел в псевдорусском стиле», – ценную информацию сообщает участник брянского форума (<http://www.poisk32.ru/index.php?showtopic=10097>).

А за храмом – спуск к святому источнику Нила Столобенского. Вереница деревянных ступенек убегает далеко вниз по крутому склону холма. «Подсчитано, что их 177, – сообщает Борис Романов. – Во времена первых приездов Даниила Андреева стояла над ключом деревянная трёхглавая часовня, висели иконы, горели лампадки, двери были днём и ночью открыты».

Спустившись, я обнаружила простенькую голубую купель и, перед ней, сам источник, бьющий из «стены», отделанной крупными камнями.

Купель у источника Св. Нила Столобенского

Легенду о нём я прочла позже в книге Бориса Романова: «Некогда приплыл сюда потаённо преподобный Нил на челне, поселился у ключа в укромной пещерке. Но дневавшие-ночевавшие на Десне рыбаки высмотрели монаха, нарушили молитвенное уединение, и сел как-то чудотворец на камушек у воды, да и уплыл на нём неслышно, как появился».

Глотнув вкусной родниковой воды, я заглянула в купель. На меня смотрел преподобный Нил из старенькой деревянной иконки. А не искупаться ли? – мелькнула мысль. Обычно я не окунаюсь в купелях, мой организм слишком уж холодонеустойчив: от переохлаждения, которое у меня может наступить при комфортных для нормального человека минус десяти, я могу потерять сознание. Или я это оправдываю себя? Просто ведь не пускал некий внутренний страх, не было желания и сил его преодолеть. А тут во мне вдруг – задорная решительность! Раздеваюсь, прошу благословения у Преподобного, вступаю в чистейшую воду. И – о чудо! – вода принимает меня... Я ощущаю её не холодной – но прохладной, приятной. Окунаюсь. Выхожу. Чувствую незавершённость – одного раза мало, нужно ведь три. Вхожу снова, окунаюсь ещё дважды. Вот, теперь то, что надо!

Окрылённая, взлетаю наверх босой (ступенек, кстати, 214 до источника и ещё 6 до купели – итого 220, специально проверила).

Две девочки лет 14 мне навстречу. «Я обратно тоже босиком пойду», – говорит одна из них, поравнявшись со мной. Заманчиво босиком-то? Ещё бы. Я физически чувствую, как свечусь изнутри.

И выхожу, обогнув белый храм слева, на смотровую площадку на краешке Соборной горы. Не желая того, своим появлением спугиваю с ограды, как птичку, девочку десяти лет с очень серьёзным, вдумчивым взглядом. Остаюсь с ЭТИМ мистическим раздольем наедине. Серебристо-зелёная Десна обнимает подножие древнего холма, а за ней – неохватные глазом, бескрайние просторы земли русской...

Вид с Соборной горы Трубчевска

В неясной туманной дымке, почему-то рассеивающей горизонт в разгар дня, даль пространства сливается с глубиной временной. Сто, двести, триста лет тому назад, стоя на краю этого холма, можно было видеть тот же нерукотворный пейзаж – широкий луг с редкой порослью кустов и деревьев и синеющие вдали брянские леса.

И видно, как сходя в светящемся мерцании
На медленную ширь, текущую по мху,
Всемирной тишины благое волхование,
Понятное душе, свершается вверху.

(Д.А., из стихотворения «Весной с холма», 1950)

Вид с Десны на Соборную гору, 30-е годы

Архивное фото из [книги Бориса Романова](#)

Круговая траектория по парку выводит меня к другому храму, звёздно-купольному.

Покровская церковь

Сейчас его реставрируют, судя по наличию строительных материалов. Тот же источник с брянского форума сообщает нам об этом храме следующее:

«За древним западным рвом, на месте посада, расположена третья архитектурная доминанта Соборной горы – Покровская церковь. Её история не менее древняя. Первая деревянная церковь существовала на этом месте ещё до разорения города Жолкевским в 1618 году. На месте пепелища стараниями местного челобитчика, священника Прокофия Сергеевича после 1646 года появилась вторая деревянная церковь. В 1787 году тот же купец Василий Савин, что заново отстроил Троицкий собор, принялся за Покровскую церковь. Современный вид сооружение приобрело в 1860-х, когда к боковым сторонам храма были пристроены два предела с индивидуальными алтарями. Таким образом, храм приобрёл свою особенную изюминку – три отдельных алтаря. В советский период церковь была частично разобрана, детали из мраморного иконостаса использовались для обустройства фонтана в горпарке».

Так стоящие здесь столетия соборы и дома, источник, нетленный вид с холма стали пунктирной связью сквозь время с Даниилом Андреевым.

А меня ждёт дорога, зовёт продолжить своё маленькое странствие. До пункта назначения недалеко, но время близится к двум дня. Нужно ехать, чтобы прибыть на место пораньше,

до вечера. Возвращаюсь к Гранте, съедая по пути мороженое – шоколадное в стаканчике, купленное в кондитерской «Нерусса».

5. ВСТРЕЧА

Я здесь, явился на свидание,

искристый с головы до пят.

Бронислав Виноградский

В этих местах и ныне ощущается тот особый и необъяснимый мистический дух, о котором говорил Даниил. Возможно, сохранить его позволил тот факт, что эта русская глубинка затерялась в стороне от федеральных трасс. Основные артерии цивилизации не затронули её чистых лесов и рек.

Счастье, какое счастье, что остались ещё на Руси такие дороги, где не нужно идти в плотной колонне за большегрузами, задыхаясь, а едешь себе один на всей видимой глазу протяжённости узкой асфальтовой ленточки, и в приоткрытые окна врывается божественный запах сосны, пьянящее благоухание трав и оглушающий стрёкот насекомых! Вдоль дороги здесь принято гулять чёрно-белым аистам: неспешно, по-хозяйски расхаживают они, заложив руки за спину, совершенно не пугаясь транспорта и неохотно взлетая только по своим, аистиным, делам. Над полями, высматривая добычу, неслышно парят большие коричневые птицы. На рассвете здесь можно встретить зайца-руссака, а среди бела дня дорогу тебе переходит утиное семейство. Остались ещё не выкупленные земли, которые «обязаны работать» в качестве посевного поля или пастбища – расписные луга и перелески, девственные раздолья, вольно дышащие под добрым небом.

Как бы то ни было, а в таких краях сердце сжимается и что-то происходит со мной. Нет, чтобы просто любоваться живописными пейзажами! – Я едва сдерживаю слёзы, и всю меня пронзает острейшая, совершенно нелогичная боль, будто бы воспоминание об утраченном рае, но отчего-то похожая одновременно на счастье. А уж если неосмотрительно выйдешь из машины и окунёшься в это благолепие всем телом и всей душой – совсем трудно сдержать нахлынувшие чувства...

...И властно хлынет в сердце моё

Тоска забытого чуда.

И станет такой печальною,

Непоправимой и острой,

Как будто душа причалила

К забытому всеми острову».

(Д.А. «Нет, не юность обширная...», 1936, из цикла «Восход души»)

Но что ж так больно? Может быть, это соприкосновение с чистотой первозданности растворяет окаменение наших сердец? Очищает, вымывает солёным потоком всю нажитую накипь, пробивает запруды и скопления сора в том месте нашего сознания, которым мы соединяемся с Высшим?..

Обычно приближаешься к цели с замиранием, опасаясь спугнуть. Ведь и впрямь планы мои человеческие могли быть порушены чем угодно – это же так легко, проще простого! Могла подвести машина, узкую колею могло завалить каким-нибудь деревом, место «моё» может быть занято рыбаком, да и мало ли как меня встретит Нерусса? Никогда нельзя быть уверенным в благополучном исходе задуманного на все сто процентов. Подобная самонадеянность чревата.

Но в этот раз я шла с необъяснимым логикой ощущением зелёного света. Доехала до деревни Денисовки, не пересекая мост через Неруссу, ведущий в центральную усадьбу заповедника, и двинулась вдоль по течению реки как бы в обратном направлении, ближе к Трубчевску, догадываясь, что тем самым приближаюсь к тропкам Даниила. Где-то на этом пути, в месте никак не обозначенном, берега становятся заповедными – входят в границы «Брянского леса». Как выяснилось позже, я оказалась в урочище Рум (до которого «рукой подать» из Чухраёв).

«Где-то здесь, вдруг и на этом самом месте, он пережил поразительную ночь, о которой много раз вспоминал, которую надеялся пережить вновь», – пишет Борис Романов, ночевавший рядом с мостом. В этих же краях проходил и сложнейший, смертельно опасный маршрут Даниила Андреева с выходом во «вторую жизнь», описанный им в поэме «Немереча».

Из всех многочисленных дорог и дорожек Суземского и Трубчевского района Брянской области, территорию которых пересекает Нерусса, я выбрала именно этот поворот... Я ли выбрала? Кто привёл меня сюда и за что оказана мне такая милость? Не потому ли, что и на дороге моей судьбы десять лет назад встал непроходимый участок подобной сложности, закончившийся принятием смерти и неожиданным спасением, выпустившим меня в мою «другую жизнь»?

Назад! назад! В широкошумном мире

Любить, страдать – в труде, в бою, в плену,

Без страха звать и принимать всё шире
Любую боль, любую глубину!
Вторая жизнь, дарованная чудом
И добровольно принятая мной,
Есть ноша дивная, есть крест двойной,
Есть горный спуск к золотоносным рудам.

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

Накануне того случая ворота Небесного Храма (а в реальной жизни – православных церквей, в которые я пыталась войти) закрывались передо мной. Захлопывались прямо перед носом, не позволяя переступить порог. Жуткий, леденящий ужас охватывал меня: почему? Что должно произойти, чем я так провинилась? Меня непреодолимо влекла встреча с Дном пропасти, сужающейся чёрной воронкой судьба затягивала меня в свой омут.

...я отходил покорно,
Ведь смерть права, бушует и губя:
Она есть долг несовершенной формы,
Не превратившей в Божий луч себя.

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

Мне казалось, что этот ужасающий спуск уводит меня от Храма, но, как бы парадоксально это ни выглядело, он же и приближал. Ибо все дороги, как известно, ведут в одну сторону. «Все дорожки в этом саду – мои», – как сказала Чёрная Королева Алисе, путешествующей по Зазеркалью. Правда, некоторые из них длиннее и витиеватее. А есть и прямые, короткие. Каждая из них по-своему сложна. А мы, казалось бы, вольны выбрать свой путь. Однако, как довелось мне познать, эта свобода выбора иллюзорна: в формировании всех наших маршрутов заложена некая предопределённость – железобетонная непробиваемость сансары, несгибаемая хватка её причинно-следственных законов. Они обусловлены жёстким механизмом, и их нужно пройти. От начала до конца. Пройти их честно, не уклоняясь, не прячась, не пытаясь обмануть судьбу, а приняв её. Потому что единственное, что мы можем сделать для облегчения прохождения кругов сансары, – это

внутренне принять. Сопротивление бесполезно и лишь крепче затягивает кармический узел.

В твои составы я верю.

Который мне будет

полезен, тот сейчас и

открой.

(Н.К. Рерих «Открой»)

И я приняла тогда. Прошла обречённо, смирившись. И – чудо! – вышла из этого *живой*.

Судьба, судьба, чья власть тобою правит?

И почему хранимого тобой

Нож не убьёт, отравы не отравит

И пощадит неравноправный бой?

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

А теперь... Теперь, Бог мой, Двери открываются. Открываются везде. Если подъезжаю просто посмотреть на церковь Святой Троицы у себя на родине, всегда закрытую по будням, случается так, что приходят рабочие с Ключами и Открывают прямо на моих глазах Двери в Храм. Так символ и знак переходит из метафоры в реальность. Становится *про-явленным*. И я, осознавая происходящее во всей его полноте и глубине, падаю ниц – мысленно, конечно мысленно – дух мой падает на колени, существо моё незримое падает, физическое тело остаётся стоять, маленький солдат, не смущая свидетелей неадекватным поведением, но переживая потрясение локального масштаба...

Куда ж теперь, судьба моя благая?

.....

Пора, пора понять твой вещий голос:
Всё громче он, всё явственней тропа,
Зной жжёт, и сердце тяжело, как колос,
Склонившийся у твоего серпа.

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

Заповедный берег приветствовал меня скрипом качающегося на ветру ракушкового куста – скрипом Дверей, Открывающихся в Неведомое. О, слава тебе, Йенно Гуйо Дья, Друг путников, – я здесь! И тут я не могу не привести полностью «искристый с головы до пят» и как нельзя более созвучный мне в моём теперешнем состоянии полётный эльфо-стих Бронислава Виноградского:

Так убедительно скрипят
смешные двери мироздания,
я здесь, явился на свидание,
искристый с головы до пят.
Меня не нужно убеждать,
что происходит всё как нужно,
отлично всё, и мир снаружи,
как и внутри, готов читать.
И петли старые несут
в душе невидимые двери,
вот потому я крепко верю,
что страшный суд – нестрашный суд.
И каждый будет проходить
через свои очарования,
и огорчаться, и шутить,

претендовать на воздаяние.
Но двери тонко так скрипят,
всё постоянно отворяя,
и в лабиринтах позволяя
тебе искать внутри себя.
И ты проходишь по мирам,
и в зеркалах себя читаешь,
пока на солнце не растаешь
росой лучистой по утрам.

Воистину, это лучшее место на всём побережье! Я смогла ещё раз убедиться в этом, внимательно осмотрев по дороге все альтернативные стоянки. Много красивых уголков на Неруссе – кругом сплошь красота, но след человеческий обезобразил эту девственную природу: то и дело встречался небрежно разбросанный мусор и пустые бутылки в количестве, не увозимом на одной легковой машине. Попадались и чистые уголки, но их открытость и приближённость вплотную к рыбацкой колее не позволила бы почувствовать себя в полном уединении и безопасности: машины, хоть и редкие, здесь всё же бывают.

Ах, Даниил, сейчас ты не узнал бы своих любимых берегов. В пятидесятые годы мы знать не знали о существовании пластиковой посуды, одноразовых полиэтиленовых пакетов, редкостью была фасовка в маленькой таре. Да что там пятидесятые – моё личное детство было ещё не омрачено засильем этой напасти. Дань комфорту – как же, это же так удобно! Чудовище цивилизации. Болезнь, поразившая сознание человечества, одурманившая его сладким словом «комфорт»: «Мне хорошо, на мой век хватит, а что там завтра будет – не моё дело»...

А в моём детстве берега водоёмов были чистыми. Стекланные бутылки стоили копейки, копейки тогда стоили денег, и тару собирали и сдавали. А пластика не было. Во всяком случае, я его не помню. И потому и берега рек и озёр, и любые доступные живописные уголки природы, служащие местом отдыха даже для больших компаний, оставались в таком состоянии, что на них можно было возвращаться вновь и вновь, хоть каждый день. Свалки при этом не образовывались. Не было куч мусора. Бумажки – те за зиму перестают существовать. А пластиковый пакет, одноразовая посуда разлагается около сотни лет. Сотни! А сколько таких пакетов мы с вами выбрасываем каждый день, хоть и в надлежащее место? Всё равно всё это в большинстве своём оказывается вывезено на природу. Где и остаётся гнить и разлагаться сотни, тысячи лет. Мы не доживём до того дня, когда разложится пакет, впервые выброшенный нами. И это ведь только про пакеты... А если посмотреть для начала фильм «Дом. Свидание с планетой» режиссёра Бертранда?

Сознавая хотя бы приблизительно размеры экологической катастрофы, нависшей над нами, мне становится не по себе. Я вижу, как уходят в недоступные человеку уголки прекрасные светлые стихиали, как умирают реки и моря, как задыхается наша планета, наш маленький шарик. Без нас ему не справиться. Иначе погибнем и мы, но физическое уничтожение не так страшно, как гибель духовная.

«...Ущерб, этим наносимый нами самим себе, совершенно конкретен, хотя и не утилитарен. Это – тот самый душевный изъян, тот самый разрастающийся вакуум в душе человечества, который <...> состоит в гипертрофии двух сфер человеческого существа – рассудка и примитивной чувственности и в отмирании всех остальных его потенций», – написано в «Розе Мира», и нужно быть полностью поглощённым этим вакуумом, чтобы не чувствовать его...

Однако вернёмся к Неруссе.

Всё крайне плохо, но шансы у нас с вами есть. :) По мере углубления от деревни берега неким чудесным образом превращаются в заповедные: становятся всё чище и безлюднее, на стоянках чувствуется бережность человека к природе и тому, кто придёт сюда после, и сама природа ощущается практически нетронутой. Свидетельствуют об этом низкие перелёты крупных неизвестных мне птиц над водой, следы от отдыха и прогулки диких животных на лугу в нескольких метрах от моей стоянки. И сквозящее касание инаковости.

Вот она, моя стояночка, за следующим изгибом колеи. Слава Богу, свободна и чиста! Остановливаю Гранту в тени дуба, глушу двигатель, выхожу из машины и падаю, тут уже – физически, всем своим существом, падаю на колени, опускаю лицо в душистую, мягчайшую траву, вдыхаю её головокружительное благоухание, целую, как Сталкер край подола своей святой Зоны... Я Дома. Здравствуй, Земля Обетованная!

Первым делом приветствую могучее существо Дуба-Хранителя и несу ему свои скромные подношения – несколько жёлтых слив и яблоко с маминого огорода. В середине замысловатого рельефа мощного ствола нахожу будто бы специально подготовленное углубление и складываю свои дары в него. Обнимаю дерево. Прошу его принять меня на эти трое суток и простить, если вдруг нарушаю его покой.

Деревья очень чуткие, как и вся природа вообще. Им не нужно объяснять, что ты не буйный, для них не требуется тратить слов, заверяя в том, что ты не причинишь вреда. Они знают всё сами, глядя *в тебя*. Поэтому и притворяются тут смысла нет никакого. Мир, всё живое в нём – *а в нём всё живое* – видит тебя таким, какой ты есть. Сквозь форму. И, несмотря на это, природа одинаково добра и щедра ко всем, вне зависимости от внутреннего облика, и так же равно ко всем сурова: *«ибо кровь мирозданья не знает ни страсти, ни ревности...»*

Мой дуб непрост, я чувствую это. Его ветвь, смотрящая на восток, обломана и выглядит как неизвестное мистическое животное с двумя лапами-руками, в одной из которых он держит зелёную ветвь (мира? доброй вести?), а другая *ладонь* дружественно раскрыта навстречу восходящему Солнцу и всем проходящим. Вот и меня колея привела с востока. Свой истинный лик дуб не явил мне в мой первый приезд – Приветствующее Существо я заметила только сейчас. Действительно, чего в нашем сознании нет, то мы не способны увидеть, будь оно у нас хоть под самым носом...

Осматриваю маленькую уютную полянку. Мусора практически нет – пара пластиковых бутылок да контейнеров из-под еды, конфетная обёртка, пакетик... Всё это очень быстро и легко уместилось в мусорном мешке, который я спрятала в высокую траву, произнеся на всякий случай вслух (вопреки предыдущему заявлению о том, что тратить слова нет необходимости – такие вот люди противоречивые создания) окружающему пространству: «Буду уезжать – заберу! Не забуду!». Этим я, конечно, не спасу мир, но, по крайней мере, на маленьком островке моего обитания будет порядок.

Кострище чистое. Бревно, лежащее возле него с прошлого раза, не спалили. Буду сидеть на нём возле огня. Из сухой ветки кто-то сделал рогатину и воткнул её в землю, в вилке рогатины лежит длинная палка. Хорошо, спасибо – подойдёт для управления костром. Два принесённых мною с другой стоянки кирпичика тоже здесь: на них я кладу решётку, найденную в недрах маминого двора, и ставлю котелок, переделанный из старой кастрюли. Треноги у меня нет. Да уж, экипировка дилетантская. Палатка – и та взята «напрокат», по дружбе. Как и «котелок», топорик, фонарик... Но я рада и этому: с миру по нитке – на природе не пропаду. А за зиму постепенно приобрету необходимое. Моя лесная жизнь только начинается.

За минувшую неделю мне удалось переночевать и на краю молодого леса на папиной родине – в районе некогда существовавшей деревни Соколовки, сгоревшей в войну. Там оставалась могилка папиной мамы, которую он хотя бы раз в год, летом, навещал. Теперь нет и папы. И я, купив год назад машину, попыталась найти дорогу к деревне, которой нет уже более полувека. Помню асфальтированную дорожку на колхоз, потом был съезд вправо, полевая колея огибала берёзовый угол, долго шла мимо заброшенных садов и выводила на высокую точку холма, с которого как на ладони видны белые хвосты самолётов, гнездящихся на сещинском аэродроме километрах в пятнадцати.

Папа перед уходом долго болел и никуда не ездил, потому в этом месте я была в последний раз лет двадцать назад. Конечно, всё изменилось. Ориентира – колхозной стелы – уже не было, старые полевые дороги заводили в тупик, прямо в лес, на волнистых холмах взошли новые молодые лесочки. Заброшенных садов я и вовсе не нашла.

Но однажды, в сентябре, я интуитивно выехала на один из таких подрастающих лесков. И влюбилась. Это было не точно то самое папино место, где-то рядом. Но это был самый настоящий Край Света: родная земля, укрытая покрывалом цветов и колосьев, душистых трав и перелесков, колыхалась медленными волнами холмов, с макушек которых открывались налитые солнцем и ласкаемые ветром просторы. Молоденький лесок, чистый и светлый, будто приглашал присесть на краешке и отпустить душу свою летать под небом, купать взгляд в облаках, слушать голоса мира.

Перед поездкой на Неруссу я переночевала там. Та ночь, тихая и тёплая, обняла меня и подарила то, чего я уже не ожидала обрести здесь, на Земле – *Чувство Дома*. У Бога на ладошке спали девочка и маленькая серенькая машина. Все добрые и светлые силы незримого мира качали мою колыбель. Ангел-хранитель укрыл меня своими лучезарными крылами (прикосновение оных перед сном я ощущаю иногда и в городе – удивительно, что это случается в самый обычный, рядовой день, не отмеченный ни подвигами, ни падениями). Я не засыпала – душа моя стала облаком и растворилась в глубине небес. Ни одной тревожащей мысли. Ни капли боли, даже грусти. Словно я выпала из-под всеохватной власти жёсткого колеса сансары, будто в мире исчезло страдание, совсем. Он вдруг оказался свободен от демонического влияния, и нота его во всеобщей космической

гармонии чиста и высока. И произошло это со мной впервые на папиной родине. *На Земле Отца.*

Поэтому я больше не боялась одиночных лесных ночёвок: я нашла *свою землю*, которая не привязана к какому-то определённом месту, да и к трёхмерному пространству вообще – она просвечивает *сквозь* него и располагается в ином измерении. И здесь я Дома. В полной безопасности и Любви. И к берегам Неруссы сейчас я пришла уже с этим чувством.

Довольно порывистый и своенравный ветер, азартно игравший воздушными потоками и разгонявший как попало облака в течение дня, к вечеру угомонился. И моё чувство дороги, сопровождающееся быстрым движением пространства и сменой впечатлений, завершилось гармонично весьма: я оказалась в тишине и безмолвии.

Суетиться совсем не хотелось, и я свела хозяйствование к минимуму: поставила палатку (куда более сноровисто, чем в прошлый раз) и села на берегу. Костра разводить не стала: в термосе мною предусмотрительно был запасён кипяток для чая, а в коробке из-под офисной бумаги «Снегурочка» томились знатные запасы маминого урожая – розовые бокастые помидоры, маленькие сладкие огурчики и жёлтые хрустящие перцы. Весёлая летняя палитра! Светофор, где запрещающий красный заменён волею судеб на розовый, цвет анахата-чакры – центральной, трансформирующей чакры сердца. Цвет любви.

Вид помидоров и прочих плодов напомнил прекраснейшие строки Даниила:

Если ты жизнь полюбил – взгляни-ка,

Как наливной помидор румян,

Как сберегла ещё земляника

Запах горячих хвойных полян!

Справа – мука, белоснежной мела,

Слева же – сливы, как янтари;

Яйца прозрачны, круглы и белы,

Чудно светящиеся изнутри,

Будто сам день

заронил в их тело

Розовый, тёплый

луч

зари.

Кто объяснит, отчего так сладко

Между телег бродить вот так

И отдавать ни за что украдкой

Рубль, двугривенный,

четвертак.

Может быть, требуют

жизнь и лира,

Чтобы, благоговеем и нем,

К плоти народа, как в тихие виры,

Ты, наклонясь, уронил совсем

Душу

в певучую

реку

мира,

Сам ещё не понимая, зачем».

(Д.А., из стихотворения «Базар», 1937)

А к чаю хорошо шёл плавленый сыр и сушки-малютки со сгущёнкой. Кстати, сыр этот тоже подарил откровение. Выбирая его в непривычном магазине, пялясь на полку с частично новой для меня продукцией, я испытывала некие колебания *между известным* мне «Сливочным» марки «Хохланд» и *неизвестным* «Янтарным берегом».

Продукты находились в одинаковой ценовой категории, что являлось некоей гарантией качества. Производитель незнакомого мне сыра гордо заявлял на упаковке, что выпускает продукцию по первоначальной рецептуре, применявшейся с года основания фирмы (кстати говоря, это год 1934-й – ещё одна *совпавшая* цифра 34). И правда, состав я обнаружила довольно приличным. В чашу «за неизвестное» легло и название,

гармонирующее с предстоящим походом. Берег всё-таки. Янтарный. Название «Янтари» носит одни из стихотворных циклов Даниила Андреева. В общем, как-то всё сошлось, и я купила «Янтарный берег».

И вот теперь сижу на бережку Неруссы, в кружке заваривается чай, я открываю коробочку сыра. И вижу под ней подложку, совершенно неожиданно после изображения морского пейзажа на верхней крышке рисующую звёздные дали и заверяющую, что только данный сыр поставляется на орбиту для космонавтов. И красный штамп стоит: «Одобрено космонавтами». Мой ум тут же поменял слова в фразе местами, и вышло, что данный сыр поставляется только на орбиту для космонавтов... Рассмеявшись ловкой его подмене, я всё же уловила некий подтекст, некую посылку.

Так вот, значит, что это за берег... Стартовая площадка в *открытый космос*. Янтарный к тому же. Янтарь – магический камень с качествами Венеры (планеты, «курирующей» мой знак Зодиака) и наделённый силой Солнца. Любовь и сила. Сила Любви. И, выходит, я на космическом корабле. Я оглянулась на свою верную Гранту. «Лада капитана Гранта» – однажды назвала я её в шутку. Если машина – Лада капитана, значит это и впрямь корабль, а тот факт, что она моя, назначает меня капитаном. Ну конечно, у меня же и иллюминатор есть! Я залезла в палатку и сделала фотокадр через москитную сетку (он получился неважно, но вы можете поверить мне на слово: космос из иллюминатора палатки открывается безбрежный). И, наконец, я увидела, что ветка-существо моего мистического дуба есть не что иное, как ростра – фигура на носу древнейшего *корабля странствий духа*, устремлённого на восток, *навстречу восходящему Солнцу*, по волнам бытия...

Вот куда вывел меня обычный плавленый сыр. А по сути – *выбор неизвестного*. Это потом уже (как обычно) я вспомнила совет одного из мудрых, что при выходе на развилку двух дорог нужно выбирать новую. Особенно если чувствуешь её сердцем.

Тем временем солнце, как пишут в литературе, склонялось к закату, окрашивая всё вокруг своим тёплым прощальным взглядом. Я очень люблю закатный свет – волшебный, умиротворяющий, наполняющий особым внутренним свечением, укрывающий невесомой золотой вуалью. Чудо Преображения случается с землёй: как мелодичны на закате переливающиеся струи течений реки, как по-иному светлы и прозрачны высокие ласковые травы на фоне потемневшей воды, как подчёркнуты отражения величавой архитектоники небес и контуры прибрежных деревьев на её безмятежной глади, как торжествующе и мягко льётся лучистый поток света сквозь прорехи в кронах, как таинственна и сокровенна тишина, наполненная *звучанием Безмолвия*...

Закат

Неудивительно, что Даниил Андреев, так тонко чувствовавший оттенки явлений мира и их трансфизическую природу, тоже любил время заката:

Есть праздник у русской природы:

Опустится шар огневой,

И будто прохладные воды

Сомкнутся над жаркой землёй.

Светило прощально и мирно

Алеет сквозь них и листву,

Безнойно, безгневно, эфирно, –

Архангельский лик наяву.

Ещё не проснулись поверья,
Ни – сказок, ни – лунных седин,
Но всей полнотой предвечерья
Мир залит, блажен и един.

Росой уже веет из сада,
И сладко – Бог весть почему,
И большего счастья не надо
Ни мне, ни тебе, никому.

(Д.А., из цикла «Зелёной поймой»)

Даниил Андреев на берегу Неруссы, 1932

Архивное фото из [книги Бориса Романова](#)

Три безмятежных вечера были подарены мне чарующей Неруссой. Я выбирала на берегу уголок, максимально долго освещаемый солнцем, и читала вслух: поэму «Немереча», в которую влюбилась с первых нот, другие стихи Даниила, посвящённые этим местам. Это было моё приношение – возвращение цветению мира цветов вдохновения поэта. Так и «Роза Мира», рождавшаяся на этих берегах в голове и сердце Даниила, вернулась сюда материализовавшейся, в виде книги. И в виде меня как её носителя, в прямом и переносном смысле.

Хотя, конечно же, не столько я читала, сколько смотрела на чистый поток, неспешно струящийся у моих ног. Ни одной путной мысли не бродило в моей голове, да и прочих не было тоже. И каждый вечер мне показывали интересный «мультик про рыбаков» – по-другому и сказать-то трудно.

После восьми (видно, на закате хороший клёв) на противоположном берегу из кустов «на сцену» выходил рыбак в камуфляже. Неширокое, метров пятнадцать-двадцать, русло реки словно разводило нас по разным пространственным измерениям, но по доносящимся крайне отчётливым звукам вся картина была видна мне как на ладони. И картина была презабавная.

Клёв, хоть и должен быть хорошим, не удавался. Тщетно рыбак забрасывал удочку снова и снова, менял наживку: лёгкие серебристые рыбки весело плескались в нескольких метрах от бедолаги, словно поддразнивая, а на крючок не шли. Отцепляя в очередной раз крючок от куста за собственной спиной и распутывая леску, рыбак терял терпение, как правило, уже через полчаса. Вдруг поплавок скрылся под водой: неужели?! Удилище взметнулось ввысь... «Вот сссобака!», – в сердцах выругался на обманувшую его рыбу рыбак и через минуту скрылся в зарослях. Ветки кустарника, шелохнувшись, сомкнулись за ним, лукаво покачиваясь и подмигивая Неруссе.

А спустя несколько минут река приносила резиновую лодочку, в который всякий раз сидели два рыбака, спиной друг к другу.

Пара была колоритна. Они поминутно забрасывали в разные стороны и сматывали на катушки свои удочки: плюх – плюх – синхронное сматывание, плюх – плюх – сматывание... Разве так ловят рыбу, – думала я. Мне казалось, нужно хотя бы немножко подождать, забросив. Стало быть, это какой-то особенный местный метод. Впрочем, я не видела, чтобы кто-нибудь из них действительно что-то поймал.

Возможно, ловля рыбы тут ни при чём. Что если смысл и назначение этого действия в другом? Появляющиеся из-за поворота и уходящие в закат, медленно скользящие по течению силуэты в контрастном свете приобретали мистическое, архетипичное значение: подобно вечным сёстрам-мойрам, прядущим нити человеческих судеб, они крутили и крутили свои катушки, бесконечно сматывали эти нити в клубки и вновь разматывали их, забрасывая туда, куда повернёт лодку Поток...

6. ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ВСАДНИК И ДРУГИЕ

Нет боле чуда? – Ложь! – Есть чудеса,

Я каждый миг их отголоскам внемлю.

Даниил Андреев

Глубина одного измерения пространства таит в себе вход в другое измерение. И на каждом входе, возле каждой двери, сидит свой страж – Страж Порога.

Так, сначала мне нужно было открыть дверь на земную территорию заповедных берегов. А перед тем – узнать об их существовании и о том, что мне нужно туда ехать, испытать притяжение магнита дороги. О многочисленных препятствиях накануне поиска самой реки в незнакомых окрестностях – мелких, но любое из них могло свести на нет моё предприятие – я упоминала в главе о разведочной поездке. Когда же я отыскала свою тропинку к ним, где-то на многослойных просторах незримого мира незримая я нашла и путь к Заповедным Берегам иных измерений. Земные маршруты таят в своей глубине дверь в неведомое. Нужно только прислушаться.

А вы поймите! Вы слушайте!

Настоящий – услышит.

(Н. К. Рерих «Священные знаки»)

Прочесть *Дорожные Знаки* может только Настоящий в нас. Через многочисленные слои оболочек и масок, которые вросли в нас настолько, что мы позабыли, как выглядит собственное лицо, как-то нужно умудриться рассмотреть его, достучаться до него, установить с ним контакт... И тогда в жизнь постепенно, капля за каплей, начнёт просачиваться кристально чистое Настоящее.

Встречаются «твой» люди – по-настоящему твои, а не посредством притягивания за уши, твои книги, твои маршруты, приходят ответы на мучившие тебя десятилетия вопросы. И всего лишь однажды ощутив *колоссальную разницу* между Настоящим и – наносным, между подлинностью и – поддельностью, между чистотой Потока – и фальшью симулякра, между предельной ясностью глубины неба – и условностью, мутностью, искажённостью его отражения на подёрнутой рябью поверхности сознания ты начинаешь *знать* всему истинную цену и уже не хочешь выпускать из рук эту тончайшую незримую путеводную нить. Потому что становится очевидно, *где на самом деле прочнее*.

Любые личные мотивы и цели – благополучная судьба, достаток, профессиональные достижения, самореализация, семья, всё что угодно, не выходящее за рамки жизни этого физического тела, всё, чем тебе морочили голову изо дня в день, – рассыпаются в прах перед истинной Задачей твоего пребывания здесь. «Ибо всё приобретённое в путешествии обнаруживает подлинный смысл в возвращении», – сказано Ю. Е. Пермяковым, автором замечательной статьи «Метафизика дороги», на которую тоже указал мне мой чудесный друг А.

Я бы даже сказала – в *Возвращении*. Которое не есть случившийся или ещё не случившийся факт прибытия обратно, но: длящееся в процессе движения по Пути мистериальное ощущение бытия, чувство наполненностью жизнью до краёв, прочтение многоликих знаков и осознание их глубины (не когда-то потом, а прямо сейчас, непосредственно по ходу их проявления), сакральный диалог с голосами мира, когда каждый миг неслучаен и каждая встреча несёт в себе Весть.

Под условной плоскостью привычной двумерной жизни обнаруживается её Новый Лик – проступает, всё чётче и явственней, её многомерность и непостижимость, и сама жизнь становится не механической бессмысленной круговертью, а неким священным актом – *мистерией*. Это определение Даниила, позволяющее мне связно говорить там, где раньше бы издавала беспомощный по сравнению с силой переживания лепет. Он всё назвал своими именами. И если приоткрыть глубину этого слова, удивительно, сколько потрясающих значений включает оно! Это и культ – провидение божественных ликом в повседневной ткани бытия и служение им; это и торжество духа воссиявшего, обретшего свою истинную Силу; это и прежде всего таинство – священнодействие в Мирах Горних, изливающееся световым ливнем чудес, сопровождающих вступившего на Путь; это и наша Связь с Ними, святейшее из святых чувство Руки Ведущей; это и звучание величайшей космической гармонии и примыкание к многоголосию Вселенной своею нотой; это и, конечно же, ощущение праздника, ликования, восхищение красотой и благодатью мира, упоение радостью и непрерывное *творение в сердце идущего Благодарности и Любви*.

Да, всё приобретённое в странствии духа везде и повсюду обнаруживает свой подлинный смысл. И это откровение и есть Возвращение (так я понимаю это на данный момент). И открывшимся видением подлинности, свершающейся на твоих собственных, вполне земных глазах, ты обретаешь возможность осознанного участия в сакральном божественном действе, *«вплетаясь, как мириадная нить, в его священные ткани»*, пока делаешь простые дела будней своими обыкновенными человеческими руками...

Хороший анекдот на эту тему:

– Чем ты занимался до просветления?

– Заборы красил.

– А сейчас что делаешь?

– Заборы крашу.

...

– И что изменилось?

– Да всё изменилось!

В моём случае до Просветления Будды далеко, а до модного и популярного ныне псевдопросветления, надеюсь, ещё дальше, однако на душе и впрямь стало значительно светлее. И, конечно же, «всё изменилось». :)

Но я слишком отвлеклась от повествования. А между тем эпизод предстоит весьма любопытный.

Страж ждал меня на Пороге каждой Двери.

Чтобы открыть физическое пространство Неруссы, мне нужно было пройти через преодоление страха перед природой. Первая, «разведочная», ночь прошла под напряжением ожидания встреч с жителями этого дикого мира. Каждое волнение ветра по кронам, каждый шорох и хруст ветки казался мне приближением незнакомого зверя. Помимо мирных оленей, лосей и зайчиков здесь обитают свирепые кабаны, хищные лисицы и медведи... Что если выйдет один из хищников?

В глубокой и тайной темноте мне ничего не оставалось, как *довериться* лесу. Тому лесу, который так любил Даниил, по которому он бесстрашно бродил сутками напролёт в полном одиночестве. Силы Природы относятся к тебе точно так же, как ты относишься к ним, говорил он. Я же так люблю их всех, это всё. Разве в такой любви есть место нападению, вражде? Стало быть, мне нечего бояться и незачем пугать – наполнять страхом эти прекрасные мирные берега и тем самым создавать возможность для трещины, бреши. Подобные соображения позволили мне тогда расслабиться и уснуть.

А утром меня разбудил отчётливый шорох прямо у изголовья, я вскинула взор: на согретой рассветом тенте палатки, посмеиваясь над моей тревогой, добрый лик животного царства свернулся маленькой полевой мышкой. Крутой подъём оказался ей не по нраву, и серый контур мышиноного тельца скользнул в траву.

Ночь прошла! Слава рассвету! Сила доверия и любви победила. Один порог был пройден.

Теперь же, чтобы открыть внутреннюю Дверь пространства, мне предстояло пройти через куда более страшный страх – страх перед неразумием и жестокостью человечества.

Только пугать люди могут. <...>

У меня есть друг тайный;

страхи твои отвратит он. <...>

Он тебе слово шепнёт.

Смелым встанешь,

Бог даст».

Этот Страж был посильнее.

Исторически (кармически) сложилось так, что действие мужской силы я познала не в благородном ключе защиты, а как оружие, направленное против меня. Когда-то что-то, видимо, нарушив в Этическом Кодексе мира, я узрела в мужчине не рыцаря, но врага – захватчика, угнетателя, мучителя. И полученный плачевный опыт вынуждал наступать всё на те же Грабли, знакомые не понаслышке всем и каждому. Перед нами синдром известной дуальной пары «палач – жертва», когда одна сторона монеты неизбежно подразумевает другую. Обиженный автоматически начинает играть роль жертвы, которая является личным палачом для обидчика, заставляя последнего своим существованием в качестве жертвы быть заложником собственной плахи. Так жертва является палачом, а палач рождает жертву.

Известно и наукой доказано, что всё в мире есть вибрации. Частоты страха и жалости к себе, излучаемые жертвой, автоматически вызывают из пространства палача. Пока есть один, есть и другой. И оба они «кормят нами» демоническое начало. Эта сладкая парочка поработила сознание подавляющего большинства человечества, и было бы странно, если бы я не разделила его участь. Это она вынуждает людей к жажде власти и манипулирования, это она способствует расцвету жестокости и эгоистичности, порождая неисчислимо число горя и страданий, это она впустила свои щупальца во все инстанции и сферы жизни – от государственной системы до домашней тирании. Впрочем, любая дуальная пара «хороша». Дуальность как таковая, лежащая в основе мироустройства, в основе устройства нашего сознания.

Но стоит только отказаться играть одну роль, как исчезает жизнеспособность другой, вот в чём фишка. Обрываются канатики, связывающие пару, и она падает в бездну небытия. Самое сложное – это перестать быть жертвой (или палачом, *что одно и то же*). Выйти из мёртвой хватки замкнутого круга. Свести две крайности к нулю. Объять их в целостности.

Отзвук этой темы прорывался в мой сон в первый приезд на Неруссу. Мне приснилось, что палатку обступили неизвестные, но несомненно представители тёмных сил. Я, согласно продуманному перед засыпанием плану, выскочила из палатки, забралась в машину и закрылась изнутри. И тогда эти мужчины – их было порядка шести-восьми – обступили Гранту, подняли её на руки и сбросили нас в реку! В последний момент я успела открыть дверцу и вывалиться. Закончилось всё тем, что меня взяли в рабство в какие-то подземелья, лишённые света (всё символично до безобразия), и последним я помню, как пыталась выведать у находившихся там рабов путь к побегу.

Сон, признаться, оставил тяжёлый осадок и смутил меня поутру. Тем более что тот же мотив повторился через несколько дней, тоже на природе. Только обступили меня уже персонажи булгаковского «Мастера», да так забавно – представляясь по очереди. Второй сон уже не испугал, но заставил задуматься. И тут до меня дошло: сны ведь часто связаны с физиологией, ощущения тела транслируют в подсознание соответствующую информацию в виде мыслеобразов. Дело было в спальном мешке! Мало того что палатка сама по себе – замкнутое пространство, так ещё и застёгнутый спальник, затруднявший, сковывающий с непривычки свободу движений! Вот откуда тема рабства, захвата. Осознав это, следующую ночь я спала в расстёгнутом спальнике – и всё прошло прекрасно, без всяких налётов, что подтвердило мою догадку.

Да, во сне больше никто не являлся. Выгнав Стража из ирреальных пространств, я вынудила его материализоваться наяву – прямо в первую ночь моего трёхдневного полёта. Ну, на порог, а как же.

Было, я думаю, где-то между четырёх и пятью утра. Знаменитый час быка. Я проснулась от рёва двигателя мотоцикла, пронзающего ночную тишину. Звук приближался. Он неумолимо приближался, и я понимала, что мотоциклист едет ко мне.

В самом деле, подъехал. Остановился совсем рядом с палаткой. Сошёл на землю.

Лежу, не шевелясь. А чего суетиться уже. Уже и пугаться-то поздно: кино началось. Будем действовать по обстоятельствам. Хотя по идее страшно же, представьте: спите Вы в палатке, весь себе беззащитный, а тут является некто с неизвестными намерениями. Ночь, ещё не рассвело. В округе никого. Кричать в случае чего бесполезно – помощи ждать неоткуда. Но, честное слово, ни страха, ни парализующего ужаса я не испытала – наверно просто потому, что не до конца проснулась. Лежу и вслушиваюсь в его шаги.

Разум тем временем пытается предложить мне версии происходящего: нечаянно или случайно, по ошибке, гость сюда приехать не мог – мигание сигнализации на Гранте выдаёт машину издали, а при приближении можно даже в темноте различить палатку. Ясно было и то, что этот человек не рыбак – спуски к реке его не интересовали. Так или иначе, а Предрассветный Всадник, как я его окрестила сразу же, целенаправленно вторгся в мой лагерь.

Кстати, какое он имеет право? Никакого чувства такта! – тут же встрепнулся голос ума. И чуть было не побудил меня вылезти из палатки на рожон с негодующим «в чём дело?». Это традиционное, что вырывается из меня, когда без спроса нарушают мои личные границы и тем более, когда начинают устраивать на моей территории свои правила, мешать и так далее. Но, правда, не ночью и не на дикой природе. Тут я сама, скорее, гость.

Именно эта неопределённость – кто к кому вторгся и кто чего на самом деле нарушает – оставила меня лежать недвижно.

Тормозом послужило и то обстоятельство (смешное, но женщины поймут), что по утрам я слишком лохмата. Быть хоть сколь-нибудь красивой – долженствование женщины, правда, я неважно выполняю этот долг по части заботы о собственной внешности. Поэтому очень люблю отдыхать от оценивающих взглядов человека. Животные и деревья не в счёт – для них форма не важна точно так же, как и для меня. Однако и отвратительно выглядеть не надо тоже, это я понимаю. И остаюсь в палатке.

Бесцеремонность вторжения Предрасветного Всадника, как и его уверенное передвижение по лесу в темноте, навели на мысль, что это, возможно, хозяин здешних мест. Может, он «крышует» местных рыболовов и без его ведома нельзя тут находиться? Откуда мне знать местные порядки...

Всё это мгновенно пронеслось в голове. А Всадник почти неслышно прошёл по моему маленькому лагерю, чиркнул спичкой – не закурил (окурка утром я не обнаружила), а осветил место. «Кхм», – донеслось до меня. Я улыбнулась. Это негромкое доброе

покашливание всё сразу же поставило на места. Нет, я не поняла цель его визита, меня не осенило, кто это, но то, что этот человек не враг мне, я увидела совершенно чётко.

А он, видно, в то же самое мгновение понял, кто тут ночует. Ну а что ещё мог сказать ему мой лагерь? – Ни удочек, ни оружия, ни топора. Мирное хозяйство в виде ведра с речной водой и ковшика и радостная жёлтая майка, висящая на спинке водительского сиденья. Всё. Лопату – и ту я предусмотрительно спрятала в багажник.

Мой неизвестный гость вернулся к мотоциклу – машина тихонько скрипнула – и повёл его по тропинке к колее. Чтоб не заводить мотор прямо здесь и не разбудить меня. Эта забота и бережность была очень трогательна. Там, на лесной дорожке, Предраассветный Всадник вскочил на своего коня и удалился восвояси. А я перевернулась на другой бок и стала досыпать, радуясь-таки, что всё обошлось.

Конец первого акта.

Да, был и второй.

Утром разум проснулся и, анализируя ночное приключение, пытался запугать задним числом: ты представляешь, что могло бы случиться?! Да ты только подумай, кто это мог быть! Если за 200 рублей мужиков убивают (что непременно сообщал тебе каждый второй пассажир, когда ты по ночам в такси работала), то как просто было бы завладеть машиной спящей женщины, никто бы и следов не нашёл! Ну и всё в этом роде. Разум. Что с него взять. Работа у него такая.

Но почему? – Горькая мысль пронзила меня. – Почему, встречаясь с подобным себе, мы чаще всего ожидаем неприятностей? Мы же люди, братья, родные, одинаковые... Все живём на этой прекрасной планете. Нам бы беречь друг друга, любить, заботиться. Почему мы наставляем друг на друга ружья? Что и когда мы не поделили? Зачем мы отдали себя во власть безумия желания превосходства, насилия, наживы?..

Надо признать правоту разума: могло ведь, и правда, быть всякое.

Но это если забыть про то, что реальность – прямое отражение твоего собственного сознания и ничего больше. Если бы я ночью *испугалась*, тем самым почувствовав себя жертвой, неизвестно, кем бы оказался Гость и что бы он натворил, несчастный, изрядно попортив себе карму. Вернее, как раз таки известно. Это совершенно чёткий механизм. Мой отказ от страха превратил его в таинственного Предраассветного Всадника. Загадочного рыцаря, не посмевшего нарушить покой спящей принцессы.

Страх – эмоция коренная, базовая и очень сильная, говорит психология. И чтобы не испугаться в ответственный момент, нужно перед этим долго трансформировать своё сознание на продуктивность более высоких частот, где врагов-поработителей не существует. В диапазоне этих же частот нет клещей, змей, хищников, поломок, болезней и т.п. Они живут в импульсивных излучениях волн страха. Перенастроить же приёмник на высокочастотные вибрации можно только через сердце – открывая его и заполняя Любовью. Процесс болезненный (страх не намерен просто так сдаваться и уходить, он хочет жить и властвовать!), но необходимый, если хочешь расстаться с палачами разного рода.

Но что было, то было, а что было, то прошло. Надо вылезать из палатки и пробуждать своё существо на всех уровнях: физическом, ментальном, духовном.

Эта утренняя практика сложилась у меня постепенно, и она гибкая – одни элементы её могут со временем уйти и уступить место новым, по мере развития и необходимости. Но триада в сути своей стабильна: разминка для тела, затем пища для ума и, в завершение, медитативно-созерцательная часть, соединяющая с Высшим Сознанием.

Ах, как прекрасно выполнять Поклонение Солнцу под открытым небом, глядя на само Солнце, а не угадывая его сквозь стену помещения! Как проникновенна, скажем, Врикшасана (поза Дерева в йоге) рядом с могучим дубом или стройной шелестящей осинкой! Как изящно любое твоё движение обнимают вольные воздушные потоки! И как радуется глаз, нос, ухо сверкающей в росе зелени, душистой земле и стрёкоту всея, и как божественно молчит ум, настроенный на внемление миру нерукотворному, тождественному снаружи и внутри! А дух при этом – чист и светел, высок и необъятен – стремится влиться в Источник и раствориться в нём...

Я отвечаю их мирам

Служеньем – тихим по утрам...

(Д.А. «Я не один. Друзья везде» из цикла «Устье жизни»)

Моя утренняя практика проста и естественна – обычное настраивание струн. И потом я звучу: душа поёт, сердце ритмично пульсирует в такт с ритмом Вселенной, тело, пластичное и прогретое, скользит в Танце нового дня. И ум очистился немного и рисует всё в самых радостных красках.

Впереди три дня с Неруссой! В уединении и красоте. Я счастлиф!

В полном присутствии духа иду разжигать костёр. Пора бы испить чашечку кофе. Памятуя сложности с распаливанием отсыревших веток, я приехала в лес с мешком дров. Ну ладно, не мешком дров. Хотя несколько толстых досок я положила именно в мешок. Неподалёку валялась сухая ветка, и я наломала для розжига мелких прутиков. Однако тут же выяснилось, что после такой мелочи крупные доски не горят... К тому же ветер!

С этим утренним костром я возилась битый час, пока вскипел, наконец, литр воды. Солнце поднималось всё выше, температура воздуха вместе с ним, я была вся в копоти, чумазая, лохматая, потная и голодная. Зрелище ещё то, надо думать. Слава Богу, в лесу нет зеркал! А ведь надо было ещё поджарить хлеб для бутербродов на том отчаянно чадающем костре. Ох уж эти барские замашки. Сырой хлеб ей не годится...

Залив молотый кофе кипятком и заполнив оставшейся водой термос на вечерний чай, я села на траву завтракать. Ммм... Вкусотища! Божественный аромат кофе! Оно того стоило. У меня и масло, и сыр с собой – всё как дома.

Следующий час я провела, пытаюсь реанимировать и как-то вдохновить огонь на кипячение второго котелка – для того чтобы вымыться. Ведро с прозрачной речной водой ждало своего часа, и я бы согласилась и на холодную. Но не для головы. А голову я мою каждый день, вот в чём моя основная сложность в путешествиях. Быть женщиной это так трудно – нельзя просто вот побриться наголо и протирать лысинку фланелевой тряпочкой. И даже если никто не видит, я препаршиво себя чувствую с неухоженной и невытой головой.

Огонь, глядя на меня, не вдохновлялся. Ветер раздувал его с одной стороны, я, натужно пытаясь, с другой, и худо-бедно мы всё же подогрели немного воду.

И тут я услышала мужские голоса. Прямо ко мне из-за кустов направлялись два парня: высокий и маленький, худенький. Этого только не хватало, подумала я и сильно напряглась. Чего они все ко мне повадились...

Акт второй.

Я выпрямилась и посмотрела на гостей.

– Здравствуйте! – сказал тот, что повыше и поплотнее. – А мужчины есть?

– А что? – ужасно невежливо ответила я, что, впрочем, вполне гармонизировало с моим обликом. – Нету.

– Нету? – удивились парни.

– Я есть, – утешила я их и задала свой традиционный вопрос. – В чём дело?

– Да мы тут, того, заглохли...

– А вы вдвоём что ли?

– Да, вдвоём.

И я вспомнила, что вчера вечером действительно мимо по колее проезжала «семёрка», в овражке за мной её ещё выталкивали. Потом часов до двух издали доносилась музыка. Я предположила, что это компания гуляет, что, конечно, немного странно – зачем заезжать в такую глушь для того, чтобы попить водки? Гораздо ближе к деревне полно годящихся для этой цели мест.

– Так это от вас было столько шума, – говорю. – Разрядили аккумулятор?

– Да это он всё, – и плотный толкнул маленького. – Давай да давай фарами посветим, посмотрим, как совы летают! У! Может, подъедете? Тут недалеко. Прикурим.

– А прикуриватель есть?

– Угу.

Понятно, что в таком виде я никуда не поеду. Но мне хотелось, чтобы они поскорей ушли, а во-вторых, голос совести строго сказал, что людей, даже с похмелья, в лесу оставлять в беде нельзя. Надо помочь.

– Ладно, – сказала я. – Но позже. Сейчас у меня другие планы. Вода остывает, мыться буду.

И кивнула на котелок.

Ребята тоже посмотрели на него. Мы смотрели на котелок втроём и соображали ситуацию.

– Идите, приеду чуть позже, – придала я процессу ускорение.

Парни неохотно отчалили. Дождавшись, пока они скроются из вида, я занялась приведением себя в порядок.

Подъехала через двадцать минут. Полянка их оказалась действительно рядом, метрах в трёхстах, через овраг и заросли кустов. Смотрю – сидят под деревьями в тени, горемычные, ждут. Прикуривателя, конечно, у них не оказалось. Зачем прикуриватель, была бы водка. Открыли капоты, высокий стал откусывать какие-то провода, оголяя контакты. Доносился запах перегара.

– Плюс с минусом не перепутаете? – интересуюсь, впрочем, безо всякой надежды.

– Ха! Да я электрик вообще-то! Хотя и с похмелья, – гордо заявляет парень. И добавляет:
– По образованию.

Понятно, думаю. По образованию. Когда оно было-то, образование, он хоть помнит? Парню лет тридцать, не больше. Может, и помнит.

Однако получасовая возня с аккумуляторами и проводами результата не принесла. Либо контакты были слабые, либо электрик учился так же, как и отдышал. Зажигание беспомощно щёлкало впустую. Пригорюнились.

– Ладно, спасибо, закрывайте капот, – махнул мне парень. – Не получается.

– Да не за что, – говорю. – Жаль, что не получилось. А вы до деревни дойдите или хотя бы до сосен, тут недалеко. Там обычно рыбаки сидят. С машинами. Может, у них прикуриватель есть.

Разворачиваюсь и уезжаю.

Через несколько минут вижу, что оба направились мимо меня в сторону деревни.

А я тем временем занялась поиском подходящих дров – такого сушняка, чтобы схватывался сразу после щепочек, и потолще, чтобы хорошо и долго горел. А потом уже можно будет и доску положить. Идти за сушняком пришлось прилично – к поваленному когда-то и выбеленному временем остову дерева в полукилометре от стоянки. Ближе ничего толкового не нашлось. Всё живое, и слава Богу. Притащив оттуда всё, что смогла утащить, занялась ломкой и сортировкой дров: маленькие – в одну кучку, покрупнее – в другую. И уложила в багажник, чтобы сохранить эту хрусткую сухость, если пойдёт

дождь, да и от росы. Топорик был, но я им не пользовалась: руками и босыми ногами всё ломалось отлично.

В работе время летело стремительно. Зато дело было сделано, теперь насчёт огня я была спокойна. Смотрю, мои герои возвращаются. Одни. Опять идут ко мне.

– Как успехи? – спрашиваю.

– Да там нет никого! – разводят руками.

Возможно. Понедельник – день рабочий, рыбаки тоже люди.

– Значит, до деревни не дошли?

– Дошли.

Врут ведь. Позже я сама убедилась: чтобы дойти до деревни даже бодрой рысцой, нужно полтора часа. И обратно столько же. Ребята же обернулись за два часа и шли вразвалку.

– И что, в деревне никого не нашли?

Молчат, конечно, что сказать-то.

– На меня понадеялись. А напрасно, – так и говорю. – Я вам не помощник. Что могла, я сделала. Вам нужно искать мужчин. Или дойти до места, откуда можно позвонить, пусть друзья подъедут.

Вижу, что ребята местные. Суземские, наверно, или из одной из ближайших деревень.

– О, это ещё от деревни километра полтора!.. Тут ближе нигде связи нет.

– А в ту сторону? – спрашиваю, показывая по течению.

– Туда ещё дальше, до Ямного, раза в три!

– А может, Вы нас дотащите? – скривясь от неразумности собственного предложения, попросил высокий парень.

– Так у вас же и троса нет, – почему-то не сомневаюсь я.

– Нету? – спрашивает высокий у худенького, видимо, владельца «семёрки».

Тот обречённо махает рукой.

– У! И троса у него нет! – в шутку, но уже как-то невесело замахивается на него друг. – А у Вас тоже?

– У меня только верёвочный, а тут нужна жёсткая сцепка, по таким-то колдобинам и загогулинам. Там есть места, где так узко, что между деревьями едва машина проезжает. Нет, ничего не выйдет.

Стоят, молчат. Я снимаю с рогатины рубашку защитного цвета, встряхиваю её и накидываю на плечи, как шинель: мол, аудиенция окончена. Высокий всё же делает ещё одну попытку:

– А может, довезёте до деревни? Ну, пожалуйста!

И тут я проявляю ещё большую жёсткость, рискуя уже нарваться на неприятности:

– Ребят, вы только что, как говорите, были там. Я уложила в багажник дрова, в тряске всё рассыплется. Ваша ситуация не безвыходная, я предложила вам несколько выходов. Вам просто неохота идти. Я приехала сюда отдохнуть от людей, а не с вами весь день возиться. Давайте не будем мешать друг другу, прошу вас!

– Ну ладно, ладно, – пошёл высокий на попятную. Оба ушли.

Не слишком ли я была агрессивна? – думала я, сидя на бревне. Верно ли поступила? С одной стороны, ситуация их в самом деле не смертельна и даже не критична – прогуляться до деревни по лесной дорожке 5-6 км скорее приятно, чем тяжело; а с другой – в моих же интересах, чтобы они завелись и покинули эти места. Соседство это затянувшееся и особенно знакомство напрягало, я ведь так хотела побыть одна. И неизвестно ещё, самое главное, закончилась ли у них водка. Надо было спросить. Ведь если не закончилась, мотивации уехать отсюда у них нет вообще никакой. А спяну мальчишкам чего только в голову не лезет, не будет мне от них покоя... Понимаю, что я влипла. Что отдых идёт насмарку и вообще положение моё «неособое». Как сделать так, чтобы они с миром уехали?

Я подошла к берегу Неруссы и села на траву, свесив ноги. Стопы опустились в гамак – переплетение тонких зелёных стеблей. Я ощутила такую бережность и заботу милых моих... Всмотрелась в спокойное течение реки, как в зеркало. Что бы сделал мой друг А.? «Я изо всех сил сливал сознание с Учителем», – вспомнились мне строки из его письма об одной сложной ситуации. Да, только это и есть у меня.

Я закрыла глаза и ушла в глубину. Без мыслей, без слов...

Ветер разогнал скопившиеся облака, и стало светлее и радостнее. Будь что будет. Однако близился вечер – уже пятый час. Неплохо бы поесть.

Я стала разводить костёр. И в самом деле, по моей технологии огонь горел прекрасно, вода вскипела за десять минут. Залила лапшу быстрого приготовления и накрыла крышкой.

Вдруг слышу хлопанье дверей машины и звук двигателя. Из-за кустов появляется «семёрка» – видно, вновь её выталкивали из ямки в низине – и проезжает мимо. Ребята смотрят в мою сторону – мол, мы завелись! Уезжаем!

Я сижу и глазам своим поверить не могу. Как? Как у них получилось? Неужели это был хорошо сыгранный спектакль? Нет, не может быть, я же сама видела, как всё было безнадежно – аккумулятор был полностью разряжен, и досада на их лицах была вовсе не искусственная...

Случилось чудо. Обыкновенное.

Страж открыл Дверь и ушёл с моего пути.

Бывало, не раз на дороге

Тебе повстречается

Неведомый страж,

У которого нет лица,

Но есть подобие взгляда,

Подобие рук.

Иногда ты как будто

К нему прикоснешься, упрёшься в него.

А ведь, пожалуй,

И нет никого

На дороге.

(Гильвик «На дороге»)

Я сижу на бревне, закрыв глаза, и пытаюсь не заплакать от осознания этой Помощи. От участия этой великой доброй Силы, которая с какого-то времени следит за мной непрерывно, хранит меня, неразумную, и оберегает от всяких напастей. Которая слышит меня всегда, ведёт меня и держит на руках. Я перестаю *быть* и становлюсь чистой благодарностью и молитвой.

Где-то в параллельном мире переступаю Порог.

«Благословенна желанная встреча в зените!» («Роза Мира»)

Пока я пишу этот текст, гендиректор фирмы, где я тружусь и получаю средства к существованию, вернулся из Кисловодска и подарил нам по авторской вазе. Ручная

работа, говорит. На доньшке каждой вазы золотой краской было начертано её уникальное имя. Моя звалась «Полдень».

7. ПО ДОРОГЕ С ОБЛАКАМИ

Да, земля – это ткань холста.

В ней есть нить моего следа.

Эта мягкая грязь – чиста:

Это лишь земля да вода.

Даниил Андреев

Ночь прошла спокойно, за исключением того, что Предрассветный Всадник в период с полуночи до двух разрезал тишину ночи звуком мотора своего мотоцикла, что несколько мешало мне спать. Загадочный всё же он товарищ: и вчерашний утренний его визит был мне непонятен, и сегодняшний рейд во тьме неясен так же. Судя по звуку, траектория его маршрута проходила по лесной колее из точки А, лежащей в полукилометре слева от меня, в точку В, находящуюся в полукилометре справа, и обратно. Таким образом, словно прочерчивая линию берега и отделяя её от леса, Всадник гонял туда-сюда добрых два часа, останавливаясь периодически на несколько минут, и когда я почти засыпала, он вновь взрывал мотором тонкую вуаль забытья. Я бы подумала, что он меня от медведей охраняет, но это я бы себе льстила. А может, наоборот, от медведей браконьеров отпугивает? Гадать смысла не было. Оставалось дожидаться, пока он не утомится, и потом уже заснуть по-человечески.

Впрочем, заснуть мешало ещё одно обстоятельство. По ночам я дико мёрзну. Не советуйте мне одеться потеплее: я одета по максимуму – в двух своих кофтах, одна из которых «с начёсом», я едва влезаю в спальник. Уже застёгнутый, да, потому что в растёгнутом мне холодно. Пусть кошмары подвинутся. Не до страха, когда холодно. Мало того – я взяла из дома шерстяной плед. Накрываюсь им сверху и повсюду, где, как мне кажется, просачивается зябкий ночной воздух. Мне даже тяжело под всей этой ношей, однако я каким-то чудом замерзаю! У меня мёрзнет, страшно сказать, даже голова. До мурашек. И я натягиваю капюшон. С начёсом. А иногда даже накрываюсь по макушку сверху. И две пары носков – это обязательно. Правда, под утро я начинаю самораспаковываться – но сколько до того утра!

Вылезая из нагретой рассветом палатки, я предвкушала задуманный экскурс вверх по течению Неруссы, до моста, и обратно, по бережку.

А утро было поистине райским. Солнце, взошедшее над рекой, посылало радостные лучи свои прекрасной земле, приветствовавшей его согласным хором. Как всё оживает с солнышком, оркестр Природы звучит в полную силу! Tutti! Но стоит ему скрыться за облаком, многоголосый мир стихает, умолкает – *diminuendo*. И вновь набирает силу –

crescendo – с проглянувшими лучами. Великий дирижёр Солнце. Всё на земле предельно чутко к его волеизъявлению. Звуковая палитра меняет свои краски и тембровую насыщенность согласно малейшему движению светила. И человеческое существо склонно следовать за ним настроен своей психики, то замирая и прислушиваясь, то ликуя и празднуя этот день.

Совершив привычный уже ритуал, включающий доведённый до совершенства подогрев воды, я собрала котомку – варёное яйцо и огурцы на обед «на привале» (в движении, даже за рулём, я много не ем, чтобы не утяжелиться), маленькую бутылочку воды и флейту. Китайскую бамбуковую флейту сям в укороченном варианте, что оказалось очень удобным: она легко умещается в сумке, задорно выглядывая из неё, и не мешает при ходьбе. Да, есть же ещё яблоки сорта «белый налив» со старой развесистой яблони у моего дома! Наливные белые яблочки прекрасно утоляют жажду и разогревают аппетит. Возьмём их с собой.

И отправилась в дорогу. Вышла в мой лёгкий, прекрасный, летящий стрелою путь.

И, как сестра, мой путь сопровождала

Река Неруса – юркое дитя:

Сквозь заросли играя и светя,

Она то искрилась, то пропадала.

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

Так всё и было. Лесная колея то вела меня по самому краешку берега, над водой, то уводила вглубь леса, то скрывала реку в непроходимых зарослях крапивы и кустов, обвитых плющом, то разворачивала передо мной луговые просторы – душистые и стрекочущие, жаркие, приятно знойные, прогревающие тело до косточек.

Нерусса по дороге

Огромные древние дубы и ряды сосен омывали свои корни в водах Неруссы. Песчаный берег, постепенно осыпаясь, пророчил близко стоящим деревьям скорую гибель в этом течении.

Так жаль было дубов, красавцев необъятных с широкими ветвистыми кронами, которые оказались слишком близко к краю, так, что корни были оголены в большей части. Участь их была очевидна: рядом уже лежали, перекрывая русло реки, засохшие останки их могучих собратьев.

Хотелось как-то помочь им – задержать неумолимый ход времени, отсрочить час обрушения. Единственное, что я могла, это оставить им свою любовь и добрую защиту. Вдруг поможет. Вдруг убережёт. Я шептала в изборождённую десятилетиями грубую кору: до встречи! Мы непременно увидимся и в следующем году, и потом. Вы так нужны здесь, хранители. Кто же, если не вы, сбережёт эти потаённые места?

Упавший дуб. 1932 год (Даниил Андреев третий слева). Архивное фото из [книги Бориса Романова](#)

Да, ведь столетние дубы – это хранители заповедных берегов Неруссы. Откуда-то мне совершенно точно это известно. И старший из них, главный дружинник, верховодный – мой друг. На самом деле это два или три дерева, сросшихся так, что воспринимаются единым существом. И существо это поистине огромно, монументально. Величавая крона его безупречна по форме и в диаметре достигает метров тридцать, думаю, а макушкой своею касается облаков.

Дуб-Хранитель

Каждый раз, встречаясь с моим другом, я не могу не выразить своих чувств: завидев его из-за поворота, я раскрываю свои объятия, а он – свои руки-ветви, и мы стремимся друг к другу с огромной радостью. И непременно с каким-то детским восторгом сообщаю ему, как он прекрасен. Ослепительно хорош! Красавец! *Великий Хранитель заповедных берегов.*

Очень люблю его. Никто даже не смеет сорить рядом с этим дубом: кострище здесь чистое, мусора нет. Приятно перекусить, присев на зелёную травку в прохладной тени кроны Хранителя.

На живописных изгибах русла, встречаясь с рекой, почти у всякого дуба я останавливалась, прислушивалась к пространству, вынимала из сумки флейту и дарила

берегам мелодию, простую и незатейливую, как сама Нерусса, вливаясь одним из голосов в звучащую ткань Космоса. Птицы и даже лягушки охотно подпевали мне! Невидимые стихии веселились, кружась эфирными тканями. По обе стороны погромыхивали грозные раскаты, во мне синхронно, весело звучали строки Даниила:

Над Нерусой ходят грозы,

В Чухраях грохочет гром....

(Д.А., из цикла «Зелёной поймой»)

Я вновь ощутила мистическое единение с природой. Единение вплоть до растворения в её ликах и голосах. В таком состоянии меняется даже звуковое восприятие, что-то происходит со слухом. Например, идёшь и слышишь, как в нескольких метрах от тебя кто-то движется параллельно, позвякивая тонко-тонко колокольчиком. Кто бы это мог быть, удивляешься. Ведь никого нет. И только потом, смеясь, обнаруживаешь источник: это металлическая кнопка твоей собственной рубашки встречается с пряжкой от ремня на джинсах при ходьбе, сообщая о встрече тихим звоном. *«И сам не знаешь в общем ликования, где мир, где ты»...*

Но слишком уж я нетороплива, слишком созерцателен и медитативен мой путь. Мне ведь ещё дойти до деревни, пройти по одной из двух её длинных улиц, выйти к автодороге и достигнуть моста – цели моего путешествия. Время не ждёт.

Как же стремительно летит оно, время! Вроде бы и не делаешь ничего, а наполненность до краёв пестротой и многогранностью жизни сжигает минуты, часы, года, сводя их, сглаживая их зарубки на умозрительном календаре в нетленную вечность сменяющих и перетекающих друг в друга форм. А в тебе, существе временном, эта жизнь сгорает падающей звездой, только успевай ловить взглядом...

Наряду с вопросом «Тебе не страшно?» я часто слышу другой: «И тебе не скучно?». Он относится к моему излюбленному времяпрепровождению – уединению. Одиночеством меня жизнь снабдила более чем щедро, но его тонкий, изумительный вкус сквозь внешнюю горечь я познала не сразу. Сначала нужно было собрать себя, раздробленную в лицах, событиях, воспоминаниях, надеждах, утратах. Вернуть себя из всех несуществующих мест, по сути своей – чёрных дыр, в кои утекала моя душа, моя жизненная энергия, в единое живое русло настоящего.

Снова оно, Настоящее. В другом смысле – в смысле времени, и одновременно в том же самом – как подлинность. Что называется, «как ни крути». :)

Как может быть скучно, когда вокруг тебя ежесекундно творится это великолепие мира? Когда оно вливается в твоё существо – стрёкотом, жужжаньем, трелями, ароматами, шелестом, шуршанием, громом, обнимает тебя тёплыми воздушными крылами и потоками дождя, касается твоего тела мягкостью своих неисчислимых покровов? Всё время, вплоть до каждого мгновения, уходит на то, чтобы воспринять, вместить, уследить, полюбоваться... любить!

Мне вспоминается диалог, прочитанный где-то (источник утерян памятью):

– Что же я буду делать в Индии?

– Любите Индию!

За внешним, поверхностным смыслом, который, тем не менее, открывает нам потрясающий выход, ибо в Любви и только в ней находится твоё дело, живёт твоё предназначение, твой долг (любите, остальное приложится), скрывается ещё один пласт, и именно его как никто другой познал Даниил Андреев. И разбудил во мне то, что жило изначально и ждало своего часа, чтобы раскрыться в полной мере.

Любить – это *делание*! Удивительная и простая истина! Бесперывное единение с окружающим миром – это акт. И нет в этом внутреннем делании, в этом акте творения любви ничего непристойного, а напротив – это священное таинство взаимопроникновения сознаний и форм, душ и тел в их космическом Контакте.

«Потому что Земля – не только наша мать; в каком-то глубочайшем смысле, которого ещё нельзя изъяснить, она – и наша возлюбленная. Следует вспоминать завет Достоевского, заклинавшего нас целовать землю, и расширить этот завет, дав возможность нашим ногам целовать землю постоянно, при каждом шаге», – пишет Даниил Андреев в «Розе Мира». Та же мысль лейтмотивом звучит в его стихах, посвящённым природе, пронзает сквозной нитью всю его поэтическую ткань:

Нет, не боюсь языческого лика я:

Шмель, леший, дуб –

Мне любо всё, – и плёс, и чаща тихая,

И я им люб.

Здесь каждый ключ, ручей, болотце, лужица

Журчат мне: пей!

Кричат дрозды, кусты звенят и кружатся,

Хмелит шалфей,

Спешат мне тело – дикие, невинные –

В кольцо замкнуть,

Зелёным соком стебли брызжут длинные

На лоб, на грудь,

Скользят из рук, дрожат от наслаждения,

Льют птичий гам,

Касаясь, льнут, как в страстном сновидении,

К вискам, к губам,

Живые листья бьют об плечи тёмные...

В проёмы чащ

Кидают под ноги луга поёмные

Медвяный плащ,

Бросают тело вниз, в благоухание,

Во мхи, в цветы.

И сам не знаешь в общем ликовании:

Где – мир, где – ты.

(Д.А. из цикла «Сквозь природу»)

Это радостное дружественно-любовное слияние, выводящее за пределы форм, растворяющее тебя во всём и всё вмещающее в тебе, в высшей степени одухотворено и, как всё чувственное, дарит наслаждение – но природа этого наслаждения невинна и чиста. Так обычная прогулка превращается в ликование и игру любящих, а простое купание в реке становится сакральным очищением:

Как светло мне, как легко и щедро

Засмеялась ты и позвала,

В плавные, качающие недра

Жаждающее тело приняла.

Пот горячий с тела омывая,
Беззаботна, радостно-тиха,
Ты душой своей, как реки рая,
Омывала душу от греха.

И когда на отмель у разводин
Я прилёг, песком озолочён,
Дух был чист, блистающ и свободен,
Как вначале, на заре времён.

(Д.А., 1937, из цикла «Босиком»)

Зной и жар пути и меня не раз привлекал к прохладным, освежающим водам Неруссы.

«Дикий пляж»

Подслеповато оглянувшись вокруг и не увидев таким зрением, разумеется, никого, я быстренько раздевалась и, спустившись с песчаного откоса, продырявленного гнёздами ласточек, с огромной нежностью и бережностью вступала в её текучую плоть. Примешь ли, Неруссочка? И она каждый раз принимала, улыбаясь мне солнечными бликами. Сама Доброта и Ласка планеты обнимала моё существо, в чистоте тихого прозрачного потока даруя долгожданное исцеление – освобождение от усталости, пыли и всего наносного, что покрывает и тело, и душу.

Читая стихи Даниила, я не устаю поражаться, как удавалось ему не только почувствовать всё это – а ведь он видел гораздо тоньше, чем обычная я, диапазон его восприятия был много шире и богаче, – но и передать. Передать так точно, верно, до полутонов весь спектр чувствований в этом непостижимом божественном единении с мирозданием. Непостижимого умом. Только сердцем. Сколько же в тебе любви... да какой глубочайшей, какой нежной... И поток её неиссякаем. Моё сердце, кажется, не выдерживает всей его лучистой мощи, оно разрывается, не в силах пропустить через себя столь высокие частоты. Твоё не выдержало тоже. Как жаль!..

А как хорошо оказаться в этом раю вне одежды и каждой клеточкой кожи принимать касания воздушных течений, чувствовать тёплый взгляд Солнца, пробежаться по луговой тропке и прыгнуть в мягкий белый песок с края обрывистого берега в ощущении

воскрешей детской невинности, естественности и какой-то изначальной чистоте собственной души. Здесь, на заповедных берегах, в священных водах, она такова.

Речной цветок

Вдруг я понимаю, совершенно чётко понимаю, что хотела бы всю жизнь прожить здесь. Нет, не то чтобы здесь, место здесь ни при чём. Хотя ведь можно и здесь, это было бы более чем прекрасно! – Но прежде всего так. Прожить жизнь *в таком состоянии сознания*, в такой чистоте. *В Любви*.

Так в чём же дело? Вперёд!

Неохотно натянув часть одежды, я с внутренней решительностью и – снова – окрылённостью, как после купели, шагаю дальше.

Господи, какое же простое и бесхитрое счастье – бродить по дороге с облаками! \

И читать послания возлюбленной земли босыми пятками, каждым шагом сливаясь с ней в нежнейшем поцелуе. Какое же это невиданное богатство – чувствовать телом и любить сердцем весь этот мир!

Сосновый берег

Ноздри дышат благовонием дороги,
И корней, и перегноя, и травы,
И – всю жизнь вы проморгаете в берлоге,
Если этого не чувствовали вы.

(Д.А. «Ах, как весело разуться в день
весенний...»),

1931-1950, из цикла «Босиком»)

Среди лугов, среди лесов встречаться с шелестящими берёзовыми рощицами, вступать в благовонный шатёр соснового бора, где действительно нет земли и нога слегка утопает в мягкости слоёного хвойного пирога,

Хвойная дорожка

восхищаться издали царствами цветущего плюща с его замысловатой архитектурой – витиеватыми арками, столпами, развесистыми гирляндами...

Немереча, заросли плюща

Как радостно скользить лёгким шагом по прогретой ласковой дорожке, попутно читая следы проходящих тут ранее. Вот чьи-то лапки, букетами – это наверно зайчик. А эти лапки покрупнее. Может быть, зайчик побольше?.. Не будем развивать эту мысль. А вот птичья цепочка. А здесь переползал тропинку ужик или большая мохнатая гусеница. Есть и следы мне незнакомые. И рядом, гармонично вплетаясь в этот список путников земли, остаётся отпечаток моей стопы. Человек, птичка, зверь, насекомое – все мы идём по дороге жизни, оставляя свой видимый только внимательному глазу и так быстро стираемый ластиком времени след, раскрашивая пространство незримым узором пройденного маршрута...

Лесная колея

Мы – только нить в широкошумной ткани

Стволов и листьев, топей и болот.

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

Пытаясь как-то пробраться сквозь плотные заросли двухметровой кусачей крапивы, валежника, густых кустов – словом, хлебнуть чуть-чуть немеречи, – до манящего своею привлекательностью песчаного пологого спуска к воде, вид на который открывался с моей стоянки, я не раз обругала себя за эту затею. Казалось-то, что пляжик буквально в двух шагах – сразу вот за этими кустиками. Однако его близость, доступность оказалась коварно обманчивой. Влезая в чащобу, я и не думала, что всё так серьёзно. Искусанная, исцарапанная и утопающая в траве по подбородок, хрустя на каждом шагу сухим буреломом, пробираясь через поваленные стволы, я насилу продралась к берегу, чудом не поломав ног. Ни одной тропинки, ведущей к нему или от него, я не обнаружила – и неудивительно, так как ров, хоть и занимал по своей протяжённости до двух десятков метров, был чрезвычайно тяжело проходим. Наградой мне была возможность всласть и не торопясь, не опасаясь внезапного появления людей, выкупаться. А кроме того, я обнаружила массу свежих автографов на влажной песчаной страничке у самой воды.

Сколько птиц, самых разных, довольно крупных, посетило этот дикий, недоступный человеку «островок»! А вот и следы от копыт. Кто же это? Лось? Олень? Кабан? Для меня их начертания похожи, как для монгола все русские на одно лицо, а для нас – китайцы. Невозможность различить – от незнания... Кто бы ни был, а совершенно ясно одно: на водопой, расположенный так близко от моего лагеря, приходили звери, любимые мои, прекрасные мои! Были совсем рядом и, возможно, всего пару часов назад. Отчего ж мы не встретились, как же я не услышала их осторожных шагов? Я была бы очень рада такой встрече. Но не спешат показываться человеку обитатели этих краёв, и мне легко их понять. Я тоже не спешу показываться человеку на глаза...

Но вот однако деревня. Придётся показаться.

Ступаю по дорожке из мягчайшего белого речного песка, прогретого насквозь солнцем.

Деревня пустынна. Возле живописного колодца гуляют лишь куры под руководством гордого петуха.

Деревенская улица

Многие дома здесь попросту брошены. Большинство – образец русской старины, если не сказать древности, очень уж обветшалые.

Русский дом

Возле одного из таких простых домиков сидит на лавочке старик, подпираясь палкой. Заметив меня, поспешно выпрямляется. Держит строй, пока я иду мимо. Отвечаю на его взгляд поклоном головы. «Здравствуй», – говорит дедушка. «Здравствуйте», – поспешно говорю извиняющимся тоном, что не поздоровалась первой. Это ведь не город, где все друг другу никто, чужие. Здесь ты человек и тебя видят.

Сворачиваю с улицы Речной в переулок Речной. Улыбаюсь, читая эти незатейливые названия. Больше в деревне улиц нет.

Встречаю новый дом из добротных брёвен, территория огорожена символическим забором из металлических прутьев, совсем прозрачным и невысоким. Усадьба радует меня – веет от неё добротой и хозяйственностью. Накрытые от дождя и ветра маленькие стожки, кладки дров, посажены деревья. Везде чистота и порядок. Во дворе стоит внедорожник, по виду мирный и добродушный. Машины, как и дома, запечатлевают на себе энергетику владельца, впитывают её как губки. Поэтому, вне зависимости от модели автомобиля, на дороге всегда можно понять, кто сидит внутри.

Чувствую, что здесь живёт хороший человек, или попросту – Человек. Мне становится так хорошо всегда, душа моя молитвенно радуется, когда я встречаю Человека в человеке. Я ведь верю в него, в человека. Я правда думаю, что мы все скоро вспомним себя, осознаем всю полноту ответственности за каждую свою мысль, слово и деяние, сумеем раскрыть

наши сердца, и тогда каждая встреча будет преисполнена добром и любовью, не напряжение и ожидание опасности будет нести она, а станет со-творчеством. Не защищаться мы будем, а только дарить.

Уже сегодня я вижу всевозрастающую тенденцию к пробуждению человечества. Люди становятся всё более чуткими, и поразительна та скорость, с какой меняется их сознание. Общение с близкими, соседями, коллегами на работе, с простыми встречными стало *тонким*, мы начинаем чувствовать друг друга, часто и на расстоянии, нам уже не нужны многословные объяснения – достаточно взгляда, в нас включаются какие-то неведомые доселе органы восприятия, позволяющие уловить движение мысли и чувства собеседника, атмосфера вокруг нас наполняется вибрациями, которые *сообщают* нам больше, чем произносимые фразы. Если раньше встречи с такими людьми в моей жизни были единичны, то теперь они повсюду, мы вступаем в новый мир. Я уже не говорю о том, как мы воспринимаем текст – сознание, создающее его, обнаруживает себя как на ладони, и мы читаем не текст, но человека. Самого человека, и прекрасно видим маски и слышим фальшь, если таковые есть. Но вот-вот, и все эти обманки потеряют остатки смысла, так как мы начинаем смотреть вглубь и видеть подлинную суть стоящего перед нами сквозь любую искусно созданную им форму.

А пока мир разный. Следующий дом безвкусно выкрашен кричаще-розовым и сиреневым, даже жалко его, рядом стоит хищного вида иномарка. Хозяин, прислонившись к покосившемуся частоколу, матом разговаривает по телефону. (Есть-таки в деревне сотовая связь). Двое маленьких детей робко и вяло играют напротив на суровой бетонной плите... Маленький кусочек ада даже в этом раю. Иду мимо.

Дохожу до зелёного дома с разноцветными ставнями. Возле деревянного крылечка старый широкий пенёк расцвёл ярким живым букетом – в нём устроили мини-клумбочку. Как это хорошо придумано, как неожиданно повстречать такой цветущий пенёк! И хоть это и противоречит этикету, я тайком фотографирую свою удивительную находку.

И даже пень!.. (с)

За зелёным домом узенькая тропиночка, ведущая вниз, стало быть, река здесь близко. Спускаюсь по ней и, действительно, скоро выхожу к Неруссе.

Берег здесь пологий, но и сама речка мелкая, не искупаешься. Зато можно полюбоваться узором пути подводного странника.

Территория на подходе убрана, расчищена от хаотичных зарослей и бурелома, рядом в тени выстроен столик, окружённый по периметру лавочками. Место отдыха для проходящего путника выкрашено в зелёный цвет, краска ещё не высохла, пахнет и блестит. Сегодня утром покрасили. Ни соринки вокруг.

Место отдыха

У воды из дощечек выложены три трогательных ступеньки – чтобы выходящий не запачкал в песке ног... Если учесть, что деревенька глухая и делалось всё это в общем-то для одного пространства, что путников проходит тут крайне мало и некому на самом деле оценить труд (немалый!) и поблагодарить за заботу, становится ясен светлый облик человека, приложившего руку к созданию красоты и порядка на маленьком, вверенном ему по собственной доброй воле, участке земли.

А мне нужно идти дальше. Пересекаю чисто поле по примятой редкими колёсами, высохшей уже августовской луговой траве.

Поле, гирлянды цветущего плюща

Мои любимые колосья качают головами, я глажу их по пушистым макушкам... Идти мягко, душисто. Но, признаться, ощущается уже лёгкая усталость. Я в пути всего три часа, а Даниил без усталости бродяжничал целыми днями.

Песчаные отмели Неруссы

Выхожу, наконец, к трассе. Асфальтовое полотно течёт, как река, в необозримые дали. Приятно тёплое. Живая артерия, соединяющая поселения людей. Мне кажется, я слышу ногами её ток, приятный ток арунгвильты-праны – жизненной силы человечества. Эта дорога не так сильно напитана ею, но зато в ней нет и ощущаемой мною в городах агрессии, злобы, равнодушия. Эту землю нечасто целуют, но на неё же и значительно реже плюют.

Чем больше ходишь босиком, тем шире раскрывается в тебе диапазон восприятия. Однажды, сев на пути из леса уже с босыми ногами и за руль своей Гранты, я вдруг почувствовала себя органистом – мои ноги нажимали на педали газа, тормоза и сцепления, словно на клавиши нижней клавиатуры органа. Будто бы исполняли мелодию дороги. Было и другое интересное ощущение: в какой-то момент я стала воспринимать свои стопы второй парой рук. Я словно руками ходила по земле. Даже испугало меня поначалу это осознание: не в обезьяну ли превращаюсь? Глупый, детский страх. Сознание человеческое не даст опуститься, а вот спектр восприятия значительно обогатит это «обезьянье» осязание.

Даниил Андреев «вовсе не шутя» (как называется одно из его стихотворений) заповедовал всем и каждому как можно чаще ходить без обуви. Из своей «техники» развития трансфизических органов восприятия он не делал секрета. Она подробно описана им в «Розе Мира» и основана именно на хождении босиком и постоянной фиксации сознанием

этого контактирования с осязаемыми объектами. Действительно, ведь непосредственное соединение стопы с плотью земли открывает в нашем теле другие «глаза»:

Её молчаливые волны,
Напевы её и сказанья
Выливаются, душу наполняя,
Лишь в узкую щель осязанья.
Вкушай же её откровенье
Сквозь таинство прикосновенья,
Что скрыто за влагой и сушей –
Стопами прозревшими слушай».

(Д.А. «И воздух, поющий ветрами...», 1950, из цикла «Босиком»)

«Таинство прикосновения» – мне ли этого не знать, ярко выраженному кинестетику! и я подтверждаю – способно сообщить напрямую нашему сознанию всю информацию, адресованную нам землёй. В «Розе Мира» Даниил поясняет, что это за информация:

«Экспериментальное исследование установит, что различным ландшафтам свойственны различные виды и степени этого излучения и что оно, проникая в нас через прикосновение, то есть через подошвы ног, а при купании – через всю поверхность тела (в слабой степени – через воздух) непрерывно и мощно воздействует на человека – не столько на его организм в целом, сколько на нервную систему и психику. <...> Выяснится также, что материальная среда населённых мест, в особенности их почва и, в меньшей степени, стены зданий, отдают эманацию другого типа, оказывающую на нас несколько иное, но не менее благотворное воздействие. Позднее будет установлено, что почва есть как бы резервуар, накапливающий, хранящий и отдающий энергию излучений за огромные промежутки времени, а сами источники излучений пребывают в мирах другой материальности, хотя их передвижение в пространстве там отражается на состоянии стихий и всего ландшафта здесь. <...>

Что купание, воздух и солнце полезны, всем давно известно; теперь уяснится, что польза эта во много раз глубже и многостороннее, чем думали, и что ещё полезнее сама земля. Окажется, что самое полезное заключается в том, на что раньше не обращалось внимания, и что обувь является не только защитой изнеженных ног от поранений, но и основной преградой между нашим организмом и излучениями земли. При этом подтвердится, что ходить босыми полезно не только среди природы, где почва отдает излучения стихий, но и в населённых местах, где убывание этих излучений восполняется эманацией жизненной силы человечества».

Я уже говорила вначале, что моя потребность разуться странным (совсем даже не странным) образом *совпала* с появлением в моей жизни Даниила Андреева и его творчества. Разумеется, на берегах Неруссы я не пользовалась обувью. По таким ласковым и поющим лесным дорожкам ходить одно удовольствие! А когда Даниил рассказал, что это не моя пустая блажь и прихоть, это хождение-странствие-скитание, это милое сердцу бродяжничество с лёгкой котомкой за плечами, о котором я грезила (вспоминала?) ещё в глубоком детстве, становится для меня таинством, сакральным делом. Я ступаю по земле, и каждый шаг мой говорит этому миру: *я люблю*, и мир отвечает мне: *ты любима!* Эту величайшую Любовь Мира, плотной вселенной и миров незримых, стоящих за нею, я чувствую каждой клеточкой тела, каждым элементом души всё яснее, всё полней, всё глубже.

Впервые очень ясно я ощутила любовь вселенной, заплыв на середину небольшого лесного озера Круглое. Это дышащее карстовое озеро, уходящее в глубину на три километра, считается мистическим местом силы. Я не знаю, так ли это, я просто люблю это озеро. Примерно над расщелиной я перевернулась на спину, раскинула руки и расслабилась. Мой взгляд купался в белых облаках, а тело так свободно ощущало себя в ласковых ладонях озера, что я могла целиком довериться ему, произвольно меняя положение рук и ног и не прилагая никаких усилий для сохранения плавучести. Озеро держало меня, вся вселенная качала меня этим озером в своей первозданной колыбели. И тогда я почувствовала всем существом, всем сердцем и всею глубиной сознания, *как я любима*. Это очень сильное чувство – осознание и принятие космической Любви, и длительно выдерживать его мне пока невозможно. Но в такие минуты, когда дух твой встречается с Отцом, ты ощущаешь предельную готовность отдать себя всего, без остатка, этой Любви, какою бы судьбу она ни означала, от каких бы мирских дорог ни отвела.

Иногда я думаю: за что мне – обыкновенному, среднестатистическому человеческому созданию – такое... счастье? – Нет, нет этому чувству наименований. Нет ему определений.

Не знаю за что и не слышу – кем,

Лишь чувствую, что любим.

(Д.А. «В тумане», 1950, из цикла «Босиком»)

Позволю себе привести здесь ещё одну масштабную цитату из «Розы Мира» – уж больно она красива, больно хороша! И подписываюсь под каждым её словом, ибо всё это Есть во мне.

«Если же я знаю, что всякий мой шаг есть прикосновение к телу родимой Земли, что малейшие изгибы почвы, изменения её влажности и сухости, прохладности и теплоты, шершавости и гладкости, мягкости и твёрдости, плотности и рассыпчатости есть не что иное, как её речь ко мне, не что иное, как прикосновение к подошвам моих ног этой всеобщей Матери, любящей меня как своё дитя и ещё какою-то непостижимо горячей,

сверхчеловеческой любовью, – я испытываю, кроме телесного удовольствия, непередаваемое чувство, похожее на ласку любви, и тёплую, упоительную радость. <...>

Мир заговорит с нами тысячами голосов, каждый будет полон своеобразия, выразительности и неожиданно глубокого смысла. Ветер перестанет быть механическим напором множества мёртвых молекул воздуха на наше лицо и тело: он явится нам либо лаской чудесных невидимых существ, либо неистовыми забавами другого, более сурового слоя. Земля, по которой мы до сих пор равнодушно ступали, тупо отзываясь лишь на крайний жар или холод, теперь заговорит с нами живым языком. Она заговорит через наши смеющиеся от радости подошвы ног то шаловливыми восклицаниями ручьёв и лужиц, то покалывающим смехом валежника и хвоей в бору, то взволнованным речитативом сухой дороги. Она заласкает нас влажной глиною лесных тропинок, трогательной нежностью травы, суровой мудростью камня и мягчайшими коврами дорожной пыли. – «И равнодушная природа красую вечно сиять»... Бедный Александр Сергеевич! Довелось же ему родиться во времена, когда недоступно было господам дворянам это босое счастье! Теперь природа перестала бы казаться ему равнодушной: он ощутил бы с неопровержимой достоверностью, что не только он любит её, но и любим ею. <...>

Как будто раньше мы рассматривали в лупу участок органической ткани, различая её строение и сокращения её волокон, ничего не выражающие... теперь же взглянули простым ясным взором и поняли вдруг, что перед нами – телесная ткань прекрасного лица, живущего глубоко осмысленной жизнью и полного выразительности. Бессмысленная громада мёртвой материи – раньше; ослепительно прекрасное, мощно живущее, мудро и любовно взирающее на нас и на мириады существ Лицо Мира – теперь».

Лик Мира – да! Чуткое и отзывчивое до волшебства, целостное сознание-пространство! Оно слышит, внимает, оно *говорит с тобой*.

Иногда до смешных ситуаций доходит. Вот, к примеру, стал накрапывать дождик. А у меня флейта из сумки торчит. Ай-яй, начинаю беспокоиться, не навредила бы ей, бамбуковой, влага. Снимаю рубашку, заворачиваю инструмент, говорю дождику: ты бы поберег мою флейточку. И что вы думаете? Он тут же перестал. С этим же дождём и другая история в тот день произошла: возвращаясь к лагерю под вечер, я с некоторым сожалением подумала, что погода не позволила мне испытать палатку на водонепроницаемость (я подумывала купить себе такую же). Но и тут пространство выполнило моё «пожелание» – придя на место, я обнаружила, что мой лагерь основательно мокр и освежён. Видимо, та тучка, которая задела меня морозящим краешком, погостила над окрестностями моей стоянки. Палатка, кстати, не промокла. Спасибо дождю за тест!

Или вот ещё смешное. Пройдя вдоль всего побережья почти до самой деревни, я не встретила ни одного рыбака, вообще ни-ко-го, чему была несказанно рада. И вот в тот самый момент, когда я торжественно вслух произношу фразу: «Надо же, я тут совершенно одна!», прямо на словах «совершенно одна» замечаю идущего со стороны деревни навстречу человека... Я тут же расхохоталась от такого *совпадения*. У мира превосходное чувство юмора, он шутит с нами, играет, бросает нам мячи – лови!

А мы тем временем на мосту.

Дорожный знак «р. Нерусса» свидетельствует о нашем местоположении на карте мира.

– Вас подвезти? – слышу за спиной бодрый, приятный мужской голос и урчание мотора. Светло-серый джип притормаживает, поравнявшись со мной, молодой мужчина открыто улыбается мне, готов помочь. Чувствуя его добрый посыл, я улыбаюсь в ответ:

– Спасибо, не нужно, я тут гуляю!

Нерусса. Вид с моста

А вот от другого паренька, на тёмно-зелёной «шестёрке», совсем другим тянет. Он медленно проехал возле меня, через пару минут вернулся с вопросом якобы:

– Извините, а не подскажете, я по этой дороге до деревни Неруссы доеду?

– Я не знаю, – дружелюбно пожимаю я плечами, – возможно, что и доедете, но я не уверена.

Парень, дымя сигаретой, трогается и едет до конца моста, где разворачивается. Я фотографирую Неруссу.

Он снова медленно проезжает мимо, оставляя за собой тяжёлый клейкий шлейф. Ну, думаю, вроде уехал. Достая флейту, дарю мосту мелодию ветра.

Начинаю возвращаться. И тут вижу, как меня снова медленно обгоняет зелёная «шестёрка». Из водительской кабины сигаретный дым. Парень явно нервничает, смолит одну за другой. В чём же дело?

Чем мог привлечь его мой дикий (и я сильно сомневаюсь, что симпатичный) вид – босой, с какими попало, без укладки, волосами, в лесной одежде, напрочь лишённой женственности, с заплечной сумкой, из которой торчит флейта? Вряд ли этот облик мог навести его и на мысль о том, что я здесь «подрабатываю». Может быть, красный цвет сумки сбил с толку? Пляжная, с макама она. И прожжённой утюгом дыркой на одном боку... Ох, не знаю, что у него на уме, но парень неуверенно съехал под мост и заглушил двигатель. Я – быстро, как только могла! – прошла мимо затаившейся «шестёрки» и, периодически оглядываясь, через сотню метров юркнула на знакомый мне съезд.

В таком темпе пришлось двигаться некоторое время – пока растительность не скрыла меня из вида. Впрочем, даже отойдя от трассы порядком, я всё ещё не была уверена в том, что за мной нет слежки. Нужно было оторваться, замести следы, чтобы не привести парня в мой лагерь. И вот чем я сейчас отличалась от какого-нибудь дикого зверя, преследуемого охотником? Ничем.

Подумать только, не могу обойтись без приключений... А не раздула ли я опасность, как из мухи слона? Ну, нет, я-то свою интуицию знаю, это безошибочный барометр. Недоброе парень замыслил, но что-то остановило его. Светлые силы взяли верх в этой внутренней борьбе. Может быть, помог мой Хранитель...

Мир несовершенен только в силу несовершенства моего собственного сознания. Он просто отражает меня, вот и всё. Это живая Зона. Солярис. Светлые грани внутреннего пространства являют светлые события и встречи пространства внешнего, красота внутри создаёт красоту снаружи. А тёмные грани притягивают соответствующее. Слава Богу, моё сознание в данный момент не затемнено настолько, чтобы побудить потенциал зла к действию. А ведь бывало и такое. И поскольку это сознание – человеческое, полностью избавиться от тёмных проявлений пока невозможно в силу нашей двойственной природы духа, но постепенно, понемножку всё-таки когда-нибудь мы придём и к этому. С помощью Высших Сил, ибо эта помощь есть, я постоянно ощущаю её. И нам нужно только *принять*.

Запыхавшись от быстрой ходьбы, я думаю, впрочем, совсем не об этом. Я думаю, что тяжело всё ж таки быть женщиной. Была б я ещё внушительной комплекции или хотя бы посолидней на вид... А то в неполных тридцать пять как девочка. Решено: в следующем воплощении возьму себе внешность амбала, «на лицо ужасного, доброго внутри», чтоб один только вид мой внушал злым страх и желание убраться подобру-поздорову. Шутка, шутка...

Облегчённо смеясь самой себе (кажется, обошлось), вступаю в деревню, выхожу к чудесному зелёному дому с цветущим пнём. А вот и хозяйева: на крыльчке сидят двое, мужчина и женщина – пожилая, но ещё крепкая, в силах, пара.

– Здравствуйте, – улыбаюсь им.

– Здравствуйте, – одновременно приветствуют они меня.

Женщина вступает в диалог:

– В гости, наверно, приехали?

– Да, – говорю, – стою с палаткой там, подальше, на берегу. К мосту вот прогуливалась.

– А здесь к речке не спускались? – с каким-то неясным волнением, ожиданием спрашивает она.

И я не сразу, но понимаю, почему задан этот вопрос. Это же они – добрые волшебники, превратившие немеречу побережья в красивое тенистое место отдыха, это же их руками выложены трогательные дощатые ступенечки, чтобы выходящий из воды не запачкал песком ног...

– Спускалась. («Спасибо вам, добрые мои, прекрасные мои, родные...») Красивая речка у вас.

– Красивая, – с искренним чувством соглашается женщина. – Очень!

Нерусса зеркальная

«Светлая Нерусочка, дитя лесов и мирной воли», «ясная, далёкая, прозрачная, как реки рая» – таков образ этой маленькой чистой речки в чутком сердце Даниила, в его поэтических строках. Не его ли любовь помнит Нерусса и до сих пор несёт её в себе, вдохновляя всех, кого коснулась она своим ясным взором, на аналогичные чувства?

Почему Даниил Андреев так высоко ценил её, почему вновь и вновь стремился к её берегам? Почему и меня не отпускает Нерусса, что за магнит спрятан в её лучистых водах?

Мне кажется, я разгадала тайну заповедной реки.

Это лишь внешне она кажется незаметной, неглубокой – только поверхностному взгляду. Её зеркальное сознание отражает твою собственную глубину, и река дарит её тебе, освящённую взором небес. Её течение, берущее исток в другом измерении, наполнено живительной силой Чистоты, и истина этого потока-сантаны открывается только сердцу. Потому необъяснимо сильна любовь, этот потаённый Голос Неведомого, что просыпается в душе каждого, кого позвала тихая речка Нерусса.

В заповедных краях живой поток Любви неслышно струится сквозь зелёные заросли и цветущие луга, сквозь сердца и души человеческие, являя собой красоту мироздания как она есть. Лик Горний.

* * *

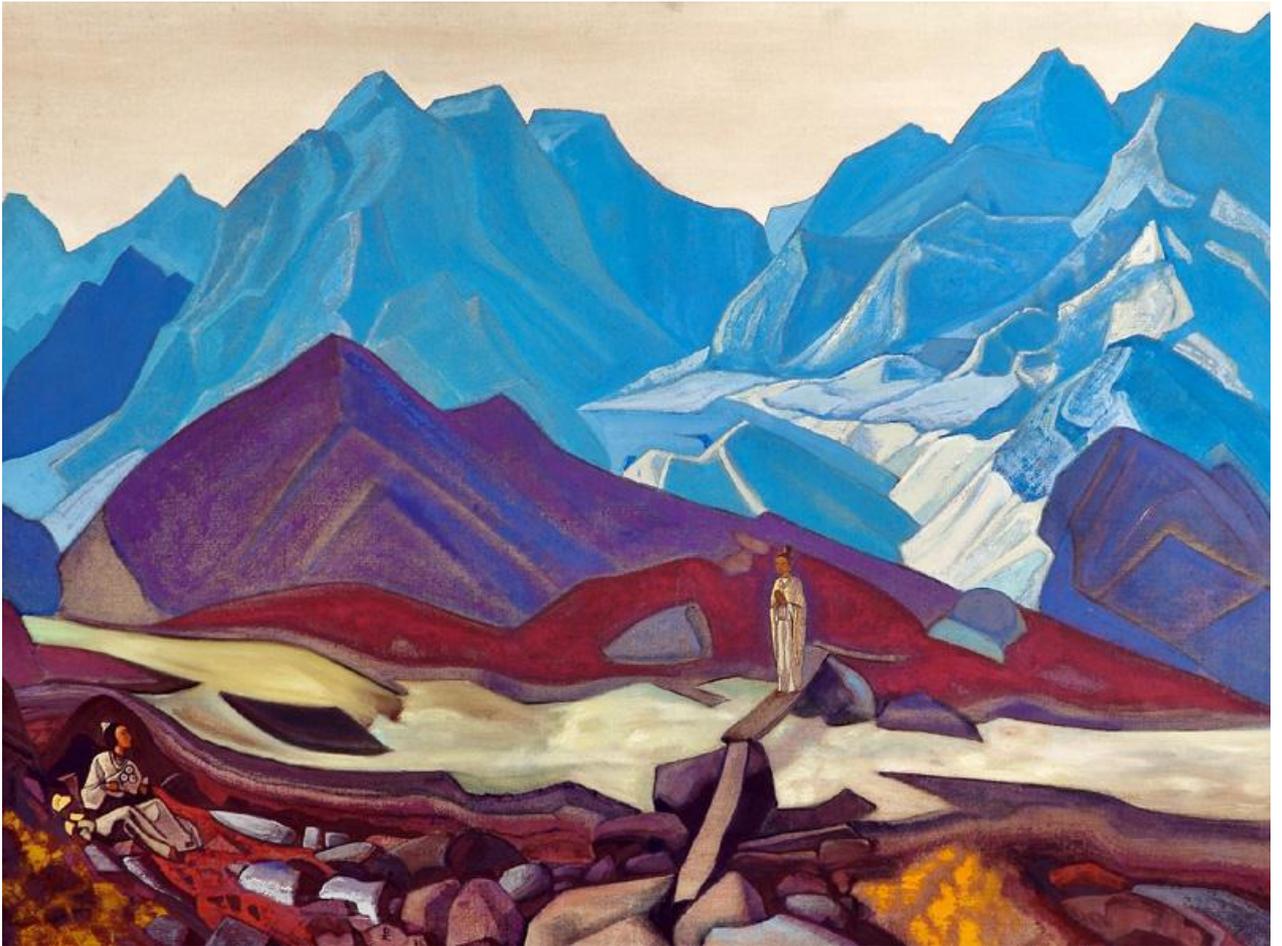
У меня на рабочем столе уже более полугода стоит картина Н. К. Рериха «Оттуда». Это моё любимое, знаковое полотно мастера, живописца незримого мира. Я только что, дописав предыдущий абзац и закрывая рабочий файл, взглянула на неё новыми глазами и поняла, почему так долго рядом со мной эта картина и что сообщает мне она.

На ней изображена река – скромный, небыстрый, сияющий излучением чистоты белый поток. Она течёт между двумя мирами, земным и неземным. Это граница. Через реку перекинут мосток, на мостке стоит женщина-проводник в белых одеждах. Она приглашает женщину, ожидающую на берегу, перейти через мост, ступить на Землю Обетованную.

Долгими зимними, весенними, летними вечерами, заканчивая работу, я всматривалась в картину и не могла понять, что это за женщина в белых одеждах, кем она окажется в моей жизни.

Нерусса... Это же Нерусса сама ведёт меня через Тот Мост.

«И чудо претворится, и явится мост красоты в новый путь». («Листы Сада М. Зов»)

Н. К. Перих «Оттуда»

8. НОЧЬ ГЕКАТЫ

...Но сквозь них, если строй звучанья

Вхож для радости и певуч,

Лад творящегося мирозданья

Будет литься, как звук и луч.

Даниил Андреев

По большому счёту, всё сказано. Услышано и прочитано самое главное, мне кажется. Во всяком случае, на данном отрезке.

Оставалась мне одна ночь на берегу, и – в обратный путь.

Вечер тихий-тихий. «Зеркальный». Зыбкость окружающего пространства в сумерках придаёт окружающему пейзажу некую призрачность, нереальность. Казалось, протяни руку, дотронься пальцем до картинке, и тонкая плёнка изображения подёрнется рябью. Брось в неё камешек – по поверхности пойдут круги.

Нерусса несла в своих водах прекраснейшие краски заката.

Закат

Редкий плёс серебристых рыб нарушал благословенную тишину. Некоторые плюхи были очень уж громки – судя по всему, ныряла упитанная русалка. И если ещё вчера эти всплески-увальни забавили меня, то теперь тоска в преддверии расставанья окрашивала всё происходящее в затаённый полутон печали. Я жгла прощальный – долгий, из всех оставшихся сучьев и веток (кроме специально отложенных на утро) – костёр.

Священный огонь

Священная стихия огня! Очисти меня, выжги всю рухлядь, дотла спали всё, что не имеет больше жизни и тяготит мёртвым грузом, не жалея – пусть горит! Напитай моё огненное тело, придай силы моему свечению, закали мой дух для новых испытаний! И просто согрей меня, согрей на всю предстоящую ночь зимы...

Одна из коряг, найденных мною, по виду своему напоминала жуткую сколопендру. Признаться, я понятия не имею, как выглядит жуткая сколопендра, но коряга назвалась именно так. Глядя на это диковинное существо с многочисленными сложенными лапками и расходящимся мощным хвостом, притворяющееся обычным сухим кореньем, я поняла вдруг, что в нём воплощён собирательный образ всех моих страхов, это моя карма, пугающая и кусающая, это мои Грабли, на которые я наступаю вновь и вновь и которые не позволяют мне разомкнуть железный круг сансары. И тогда, вложив всю свою волю в отказ от этих демонических игр, я положила корягу в огонь с целью сжечь её полностью, чтобы не оставалось ни кусочка, ни уголёчка. Ничего. Пусть всё тёмное сгорит в пламени огня!

Много дров пошло на то, чтобы спалить «сколопендру». Почти до полуночи жгла я костёр над рекой.

А на другом берегу, по диагонали, грелись у своего костерка два рыбака. Их маленькие фигурки и яркая пляшущая точка огня почему-то радовали меня, согревали душу. Тоска

ушла прочь, и стало легко и светло. Мне вдруг увиделось, как повсюду по берегам земных рек сейчас зажигаются ночные костры, словно поддерживая некий условный баланс света и тепла на этой планете, пока дневное светило обогревает другую её сторону. Так хорошо – просто зажечь огонь, чтобы согреть ночь и разогнать тьму на своём берегу... Как сказанное доброе слово, как ласковый взгляд, как нежное прикосновение, как чуткое понимание без слов, как трогательные ступенечки для выходящего из воды, как глубокая неразрывная связь отражают незримые потоки космической системы зажжённые любовью огни в наших сердцах.

Тем временем с лугов со всех сторон находил туман – значительно более густой, чем обычно. Словно неисчислимое войско, надвигался он всё ближе и ближе.

Туман заходит

Повинуясь какому-то дерзкому внутреннему зову, я отошла от уютного огня и вступила в плотную белую завесь. Ёжик. Я – ёжик в тумане. Ёжик, упавший в Реку. Куда вынесет меня твой Поток, великая река незримого мира?

Верую. Доверяюсь. Приемлю.

Всё покрываю единым ДА.

(Д.А., из цикла «Устье жизни»)

Издали, с края луга, показались два «пришельца», как я назвала их, – голубые пучки света двигались прямо на меня. Послышались голоса. Приглядевшись, я догадалась, что это гуляют двое с налобными фонариками. Тембры голосов, приближаясь, сообщили мне, что это мужчина и женщина. По всей видимости, они расположились где-то неподалёку, не выдавая своего присутствия ни громкими звуками, ни музыкой, ни чем бы то ни было ещё. Как приятно видеть, что человек может гармонично вписаться в структуру пространства, не разрушая его. Доброе, доброе соседство! Спасибо за него! Как люблю я таких людей, как я признательна им за бережность, за сохранение, за мир во всём мире... Вот две звезды соединились в одну – мужчина, наверно, поцеловал свою спутницу. Снова разъединились и пошли рядом, держась, вероятно, за руки, по лесной колее. Исследовав туманный луг, вскоре они повернули обратно и исчезли в тёмных кущах.

И их негромкие голоса, и далёкие фигурки рыбаков, и крики ночных птиц, и редкий плёс рыб, и треск сгорающих поленьев – всё вдруг показалось мне удивительно ладным, согласованным между собой, как единая многозвучная палитра, где человек, какой бы он ни был, тоже просто звучит собой. Он не выпадает из этой стройной системы мироустройства, он – одна из чёрточек на Лице Мира. Неотделимая его часть. След, переплётшийся с другими следами. От осознания этого мне стало очень уютно и хорошо, как Дома.

Мой костёр тем временем догорел. Потемневшее небо было затянуто лёгкой пеленой облаков. Почувствовав сильную усталость, я полезла в палатку спать. На этот раз, хорошенько прогревшись близостью огня, мне не пришлось укутываться. Казалось, тёплой была даже земля в радиусе нескольких метров от кострища. Уснула быстро и легко.

Разбудила меня – нет, не оглушительная, не звенящая, но какая-то необычайно *мягкая* тишина. Она словно тронула меня за плечо. Это наверно потому, что мы в густом тумане, подумала я. Часы показывали половину четвёртого. Спать почему-то совсем не хотелось, и я расстегнула молнию входа, чтобы выяснить источник этой странной мягкости.

Боже милостивый...

Прямо передо мной над рекой висел-покачивался огромный, величественный звёздный ковш Большой Медведицы. Перехватило дыхание. Я вышла из палатки, выпрямилась в ночи и запрокинула голову. От тумана не осталось и воспоминаний! Небеса, ясные-ясные, отчётливо тёмные, контрастные, были усеяны мириадами звёзд, самые крупные из которых, казалось, висели не в вышине, а где-то между небом и землёй, прямо над деревьями, над лугом. Я подошла к реке, рискуя свалиться. Нерусса спокойно отражала яркий свет непостижимо далёких галактик в своей бездонной глубине – это было поистине чудо, я не видела никогда раньше, чтобы звёзды так предельно чисто сияли из воды! Слово плоть земли расступилась, и я смотрела сквозь эту прореху на небо с другой стороны... А я ведь чуть не проспала такую Ночь...

Звёзды мерцали, пульсировали, переливались совсем рядом, и всё это необозримое космическое тело было совершенно *живым*, близким, как некое неохватное разумом и

взглядом божество. Млечный Путь во всей красе своей был рассеян звёздной пылью в вышине небесного купола. Вспомнился мне тёмно-синий купол Покровского собора в Трубчевске, усеянный звёздочками, – робкая попытка земного зодчего отразить ночной (тайный) лик Вселенной. Красивый символ, указующий путнику духа на Источник.

Ночь Гекаты, безлунная августовская ночь позволила мне увидеть эту роскошь, это великолепие, позволила ограниченному человеческому сознанию прикоснуться – краешком, самым краешком! – к Непостижимому. Во мне бы воссиять восхищению, а я стою дурак дураком, тихо. Стою и смотрю на вращение миров, спокойно до неприличия. Внутри у меня полная тишина, мягкая-мягкая, как будто так и надо, как будто я вижу столь волшебные, напоённые чудом присутствия Создателя ночи по пять раз в неделю...

В моря неизречённого сиянья

Душа вливалась тихою рекой...

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

...Душа моя текла тихою рекой Неруссы в бездонную глубь звёздных небес. Корабль, я же на космическом корабле. Тогда всё понятно. Понятно, куда я отплываю с этих заповедных берегов.

Не нужно ничего нарочно выдумывать, не надо никаких фантазий и художественных замыслов – Бог мой, ничего, кроме этой самой жизни твоей собственной, нет интереснее, фантастичнее и гениальнее! Ты только увидь. На её страницах прописаны все святыя тайны и откровения, в её повествовательную ткань вплетаются самые изысканные сценарные фабулы, которые и не снились самым даровитым талантам. Все законы драматургии соблюдает Творец. На каждом повороте, в каждом сюжете тебя ждёт завязка, развитие и развязка, а перед нею неизбежно грянет кульминация и ты испытаешь самый нереальный катарсис твоей собственной истории – такой, какой никогда не почувствуешь ни в одном театре мира... А великий замысел её крупной формы, с жизненными циклами, фазами, приливами и отливами, с пронзающим всю партитуру лейтмотивом устремления духа к их преодолению, постепенно, понемножку лепит из тебя твою собственную суть. Рождает тебя, уже после рождения. Уже по-Настоящему.

Окунувшись духом в реку Жизни, ты познаёшь в каждой её грани Бога и, отринув фрагментарность и раздробленность, станешь когда-нибудь единым целым с Вселенной и перестанешь существовать, одновременно продолжая быть – во всём сразу. Я не могу до конца осознать это – потому что это осознание взорвёт мой человеческий мозг и рассыплет его звёздной пылью по Млечному Пути космического пространства.

Поэтому я ни о чём не думаю, а просто смотрю на величие Космоса с одной из точки планеты Земля на 34 меридиане восточной долготы, и в самой глубинной моей глубине звучит *мягкая тишина*.

И звездопад, конечно же, был звездопад. Август! Семь звёзд, вспыхивающих и скользящих по небосводу, насчитала я за несколько минут, не ставя такой цели.

Надо ведь желание загадать, напомнил ум. Но что? Бог мой, о чём? О чём я могу просить мироздание в его нерушимом совершенстве? «Нечего желать, и нечем больше быть. Здравствуй, это я». Всё уже спето, Борисом Гребенщиковым в частности. Вот – я, человеческое существо, совершенно обнажённое душой, насквозь прозрачное, стою под взглядом неисчислимых миров. Лицом к лицу с Великим Космическим Сознанием. Это ВСЁ. Здесь нет места просьбам и желаниям, вообще личностному фактору. О выполнении своего предназначения? Так оно и так будет выполнено, в свой час и свой срок. Не раньше и не позже, хоть ты из кожи вон выпрыгни. Может быть, всё случится и не в этой жизни, может быть даже через несколько, это не имеет равным счётом никакого значения. Всё уже есть, всё записано в Хрониках мироздания. А мне остаётся просто идти по вот этой самой дороге – с облаками и звёздами. Идти с открытым сердцем, как можно чище и легче. Слегка прикасаясь, как говорит мой чуткий друг А. *«Вдыхать, осязать, слушать, следить стоцветного мира мельканье, вплетаясь, как мириадная нить, в его священные ткани»...* – Любить.

Я вернулась в палатку, залезла в спальник, закрыла глаза. И тогда, в полной и мягкой тишине, сквозь образовавшуюся в пространстве расщелину *они* отчётливо коснулись моего человеческого слуха – вибрации мерцающих кристаллов, хрустальный звон-говор неведомых миров, чья природа скрыта от нас под покровом ночи нашего сознания. Это звучание-переливание было несомненной Явью. С приходом сна оно замолкло.

9. ДАРЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ

...Я уходил, и дни мои текли,

Уча любить все звуки жизни стройной...

Даниил Андреев

Пронзительно-чистое утро встретило меня сияющей лазурью небосвода. Внутренний строй мой был тих и исполнен молитвенной благодарностью за все подарки, которые излились на меня световым ливнем в три этих волшебных дня. За что мне, неразумной, такая благодать?

Что-то изменилось во мне. Что-то древнее, тяжкое ушло, и в груди моей распахнутой пульсировало, мерно отбивая свои ритмы, живое сердце, отвечая сигналу-мерцанию далёкой звезды.

Неспешно, нарочно оттягивая момент отбытия, я занималась делами, ставшими привычными и естественными здесь. Затем села на берегу. Нерусса ласково смотрела на меня голубым потоком отражённых небес. Голоса птиц, казалось мне, звучали печально, щемящая нотка разлуки звенела в воздухе, уже до жары прогретом солнцем. Смотреть мне

в твои глаза – не насмотреться, милая моя речечка... Позови меня ещё, позови жить с тобой. Позови хранить твои воды, заповедные твои берега...

Повсюду лилась бесконечно из формы в форму и творилась жизнь. Трудолюбивые муравушки, многочисленные букашечки, жучки, скрывающиеся от человека звери, лёгкие стайки птиц, горстками выбрасываемые кем-то невидимым в ясное небо, росчерки следов на песчаной тропинке, травы мои душистые, деревья мои великие, добрые, мудрые – как же я люблю вас, *как я люблю...*

Ветер скользнул по кронам, тронув зашелестевшую, заигравшую с ним листву, качнув ветви.

По длинным листовым гривам

Они, как по нежной скрипке,

Проводят воздушным порывом,

Как беглым смычком скрипач...

(Д.А. «Арашамф», 1955, из цикла «Босиком»)

Я проследила взглядом траекторию его полёта: он промчался с противоположного берега через реку, тронул прибрежные заросли, резко взмыл вверх и пропал в синеве, не оставив следа.

На меня вдруг снизошло какое-то удивительно простое постижение, не раз читанное в мудрых книгах, не единожды понятое и осознанное разумом, принятое сердцем... Но тут – *это случилось во мне*. Я увидела, что всё-всё вокруг нас и внутри нас есть Бог. В каждом шорохе листа, в каждом ползущем по травинке муравье, в каждом стебле, в каждой капле, в потоке воздуха, течении рек, сиянии звёзд, парении птиц, растворении облаков, моей солёной слезе – всё это есть Единый Создатель, всё это есть Единое Сознание, Живое, просвечивающее сквозь многоликость своих творений-воплощений – покровы Матери Мира. Я не знаю, как об этом сказать, все слова тут бессильны, это должно случиться с каждым лично. Но это так *просто*. Просто и – необъяснимо одновременно.

На моей босой ступне сидела, укрыв её почти полностью прозрачными сетчатыми крыльями, большая стрекоза древесного цвета. Она сидела недвижно, словно прислушиваясь. Я тоже сидела не шевелясь и долго любовалась ею, пока не почувствовала необходимость сменить положение тела. Тогда я наклонилась и поднесла к стрекозе руку для перелёта. Она с треском снялась в воздух и тут же... опустилась на предложенную мною ладонь. Я осторожно, бережно подняла руку к самому лицу. Стрекоза не улетала. Её прекрасные крылья безупречной формы едва заметно вздрагивали, сквозь них я видела черты-линии собственной кожи. Я смотрела на это чудо, на это совершенное создание, и понимала, что держу в раскрытой ладони воплощённое Доверие самой Природы. Мой возлюбленный мир принял меня. Святая моя земля поверила в меня, в мою добрую и оберегающую силу, в мою любовь. *Они увидели меня.*

Сложить палатку, упаковать в багажник вещи дело нехитрое. Гранта, пропитанная, как и я, благоуханием леса и дымом костра, тихонько заурчала и тронулась, поплыла по краю луга. Стараясь сдерживать чувства, я покидала мой берег, но не расставалась. Низко пролетела над водой цапля, взмахи её крыльев были похожи на «добрый путь и до свиданья!». Ракиновый куст провожал меня скрипом открытой двери. Всё прочитанное здесь покоилось в моём сердце, живые воды Неруссы текли во мне...

Сладость

какая нести запечатанный дар!

(Н. К. Рерих «Дар»)

Энергетика трассы, мощная и стремительная, быстро переключила скорости в нас, подарив восхитительное чувство летящей меж пространств стрелы. Мы вновь вплелись в шумную, весёлую, сотканную из Движения ленту дороги и помчались вверх по тридцать четвёртому меридиану.

Я думала, что вот и закончилось моё расцветенное чудесами, как гроздьями драгоценных камней, маленькое странствие. Осталось только доехать до города – и грубые низкие частоты сетей цивилизации погасят меня, матрица вновь ввинтит в свою бездушную энергоперекачивающую систему. Но, как оказалось, это были ещё не все подарки. Неиссякаема щедрость небес... Сможем ли вместить?

В Трубчевске я вновь сделала остановку, на этот раз краткую. В купель к Нилу и ещё раз взглянуть на землю любимую со смотровой площадки над Десной. Средь бела дня до вершины холма с необъятных просторов доносились трубные зовы благородных оленей. Не отсюда ли и «Трубчевск» (в прошлом – Трубецк)? Олени – брянские наши олени, не северные – прощались со своей русской Гердой до скорой встречи. Я слышу, милые мои, слышу.

В самом начале Выгоничского района, почти на границе с Трубчевским, стоит село Удельные Уты. В нём-то я и заприметила ещё по дороге к Неруссе искусно выполненный указатель к храму Сергия Радонежского. С дороги виднелся он вдалеке – белый, красивый, высокий. Тогда я взяла его на заметку, с тем чтобы на обратном пути заехать, посмотреть.

Крутой поворот неожиданно выплеснул передо мной широкую солнечную гладь воды.

Озеро в селе Удельные Уты

Озеро! Да какое красивое, большое! И на противоположном берегу его, на возвышении, белый храм Сергия.

Храм Сергия Радонежского на берегу

Очарованная открывшимся взору зрелищем, я двинулась по мосту в направлении храма. Оставив Гранту в тени дерева и прихватив на всякий случай косынку (вдруг церковь открыта), я подошла к дверям. Красавец. И так неожиданно увидеть явно старинную постройку в русской глубинке в таком хорошем состоянии.

Храм Сергия

Позже я узнала его историю (материалы сайта «Брянский край»
http://www.kray32.ru/vygonichskiy005_02.html):

«В конце XVIII века дворянин Пётр Салов строит струги для похода царя Петра на Азов, и тут же возводится деревянный храм, освящённый в 1700 году как церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Только в 1766 году богатый помещик Подлинев строит каменный храм в стиле барокко, с характерной неправильностью форм, красотой и пышностью отделки снаружи и внутри. «В нём два придельных алтаря: по правую сторону в честь Пресвятого Сергия (Радонежского), по левую – в честь Святителя Николая Чудотворца (Архиепископа Мирликийского), устроены в 1859 году», – читаем в архивных документах.

Церковь Сергия Радонежского, как её сейчас называют, восстановлена в первоначальном виде. Характерная черта русского церковного зодчества – *связь с природой*. В Утах церковь построена на самом видном месте, красуется *на берегу* озера. *Купол храма отражается в нём*. Приходская община возрождена в 1994 году, а через четыре года в храме возобновились богослужения и начались восстановительные работы».

Прошлое храма. Архивное фото

Источник сообщает, что здание являет собой «интереснейший образец усадебного ярусного храма типа восьмерик на четверике, выполненный в стиле барокко, с явным влиянием московской архитектуры и отдельными более поздними классицистическими деталями. В интерьере сохранились остатки барочного иконостаса 2-й половины XVIII столетия».

Но этой информацией я не владела в тот момент, когда стояла перед храмом. Просто чувствовалась в нём подлинность, ощущалась некая сила, исходящая от тела собора. Кажется, дверь не заперта. Я вступила под прохладные своды. Внутри не было никого, я оказалась один на один со всею окружившей меня красотой. *Лицом к лицу.*

Бог мой, да что же это... Что за сокровища сыплются к моим ногам? Тончайший ажур светлых резных приделов, приготовленная для таинства крещения большая серебряная чаша, наполненная водой и окружённая свечами, изумительный иконостас, открытая дверь в алтарь и над всем этим – величайший Спас!.. Огромное изображение Спаса Нерукотворного, Солнца-Логоса, освещало всё убранство храма, всё его внутреннее наполнение. С большой любовью он смотрел на меня, а я... Увидев его (почему он здесь, почему здесь, в храме Сергия Радонежского, а ранее Покрова – Спас Нерукотворный?!), я рассыпалась в мельчайшие капли. Со мной произошло что-то, не поддающееся описанию. Возможно, это называется мистическим экстазом, я не знаю. В этот миг, вынесший меня из тела, сомкнулось всё: восточный рериховский Спас в Храме Святого Духа в Талашкино, к которому я ездила в начале лета, моё постижение сквозь природу Единого Сознания Создателя в нерукотворном Покрове Матери Мира на берегу Неруссы, мой космический контакт со звёздным куполом неба, отражавшимся в воде, мост (все мосты сразу) над этими водами к иным мирам и, наконец, этот рукотворный русский Спас, явившийся неким всё подытоживающим, замыкающим, всё объясняющим элементом мандалы...

Это были минуты крайне сильного духовного переживания. Упав на колени, я целовала светлые струганные досочки пола храма – так же, как целовала травяной ковёр моей обетованной земли. Душа изливалась неудержимым потоком слёз, прорвавшим все мнимые плотины, в этом сакральном, словно специально сложившемся для меня пространстве, до густоты насыщенном символами, тайными знаками, видимыми только мне.

Выйдя из храма, я прошла к колонке во дворике, присела на деревянную некрашеную скамью. Глотнула воды. Начала приходить в себя, всё ещё осознавая произошедшее. Нужно было ещё искупаться в озере. В таком озере нельзя было не искупаться.

Среда – это рабочий день, и у воды даже в жаркий августовский день не было людей. Или, может быть, просто я шла в каком-то параллельном измерении, в котором мой диалог с Богом не нарушался никем и ничем. Выкупаться было очень хорошо. Озеро позволяет, перевернувшись на спину, лежать на воде и смотреть в небо. Смотреть самим озером. И отражать во взгляде само небо. Снова, как тогда на Круглом, почувствовала, как моё тело качает перевозданная колыбель. А дух парил белым парусом-облаком там, высоко.

Бодрость и ясность восприятия внешнего мира вернулись, мы с Грантой отправились дальше. Вскоре асфальтовая лента привела нас к деревне Мякишево. В эту деревню ты не попадаешь, если следуешь указателю на Брянск, заставляющему объезжать Выгоничи по федеральной трассе. Эту фишку я просекла ещё в прошлый раз, и теперь уже поехала вопреки совету указателя по тихой дороге на Выгоничи. Деревня Мякишево, входящая в состав сельского поселения Лопушь, появляется почти сразу, после небольшой речушки. На обочине здесь стоит деревянная арка с надписью «Святой источник». А поскольку водопроводную воду я не пью – либо покупаю, либо набираю в родниках за пределами города, – я остановилась, чтобы налить водички в освободившиеся пятилитровые бутылки.

Тихим, завершающим звучание небесной симфонии обертоном стал для меня этот источник. Спустившись по каменным ступенькам, я оказалась у чистой воды, переливающейся всевозможными оттенками света, пробивающейся сквозь меловые породы и буро-коричневые крупные камни. Даниил увидел бы её истинный лик, я же просто наслаждалась журчащей песней родника, чем-то отдалённо напомнившей переливающеюся звучание, услышанное мною ночью в палатке. Какая же она чудесная, эта вода... Воплощение чистой Красоты.

Я опустила ладонь в её сияющую плоть, и захотелось окунуться.

Деревянная купель просторна и суха. Здесь свой порядок купания, его правила прописаны на листочке, прикреплённом на двери. Ступеньки ведут к воде с двух сторон, и во избежание путаницы на одной из них обозначено: «Выход». Значит, вход с другой стороны. Испросив благословения, я погрузилась в эту... сферу. Она оказалась строгой. Возможно, я уже перекупалась в этот день – тело ощутило воду как достаточно холодную, ноги свело. Хотя догадываюсь, что дело не в этом. Просто удивительный источник несёт субстанцию, к созвучию с которой я готова не в полной мере. Она приняла меня, но чтобы слиться с ней воедино, мне нужно ещё подрасти, повисить свои вибрации – сонастроиться.

Вот что сказано об этом роднике на сайте «Святой источник» (<http://svyato.info/>):

«В давние времена источник, что в пяти верстах от церкви Афанасия и Кирилла Александрийских села Лопушь Трубчевского уезда Орловской губернии, а ныне Брянской области, в народе звался «Гремучий колодец». По описанию, в 1865 году, составленному местным священником Василием Зверевым, ключ выбивал из пригорка. Со слов старожилов, шум воды ранее был слышен за версту, но тогда уже едва слышен за несколько сажень. Священник написал, что, по его мнению, источник перестал шуметь, так как вода нашла в земле новые выходы и рядом с ключом появились новые родники».

«У сего колодца путешественники имеют обыкновение останавливаться для отдыха и прохладения ключевою водою. <...> Вода родников целебна для внутренних и наружных болезней. В 1842 году был случай исцеления одного водою от ужасной ломоты в ногах. Но для сего нужно употреблять её у самого источника, перевезённая в другое место лишается целебности. Это от того, что в ней теряется жизненное начало. Жаль, что медики не обращают на это внимание», – приводит сайт выдержку из издания «Орловские Епархиальные Ведомости» (1864 год, № 18, С. 390-392).

Странники имеют обыкновение останавливаться здесь и сейчас – источник, поскольку находится в непосредственной доступности, очень популярен у проезжающих. Живой ток людей так же неиссякаем, как и родник, он пересекается с течением ключа и связывается с ним в добрый дружественный узел, сливаясь в единении устремлений. Все реки, все Потоки текут к Океану. Нам с Неруссой тоже туда.

И грезится блаженная Нерусса,

Прохладная, текучая вода,

Качающая водорослей бусы,

Как сад из зеленеющего льда...

(Д.А., из поэмы «Немереча»)

У каждого из нас своя «нерусса» – свой портал в Неведомое, но вышло так, что у меня и Даниила Андреева она *совпала*. Глядя на эту историю, меня не покидает настойчивое ощущение, что дух, некогда бродивший по земле в облике Даниила, попросту взял меня за руку и привёл к этим заповедным во всех смыслах берегам. Он распахнул передо мной дверь в Открытый Космос, и Открытым Сердцем я вступаю с ним в Резонанс.

«Человек, шаг за шагом, ступень за ступенью познающий себя, идёт навстречу собственной судьбе, учится откликаться на её Зов и становится Зовом для других. Каждое усилие, каждая победа над собой, каждый верный шаг на этом пути приближают Встречу-Резонанс человека и его Предназначения. Резонанс, который предоставляет шанс увидеть следующую ступень, а также радость и силы для её достижения».

(Наталья Аднорал «Его величество резонанс»

http://www.manwb.ru/articles/science/natural_science/Resonans_NatAdnoral)

Зачем же? Для чего ты привёл меня сюда, незримый Друг мой, прекрасный и светлый? Об этом нам поведаёт другая история, позже. А пока идут титры, белым по белому, и за кадром звучит неслышная песня...

Даниилу Андрееву,

после прочтения ряда его стихов на берегу Неруссы

У меня на коленях

Душа твоя – эти стихи.

Я качаю её в мерных ритмах изящных строк,

И вливается в вены

Родной мне до слёз мотив,

Растворяя меня в молитву на долгий срок.

Под моими ногами

Любовь твоя, Сердце твоё –

Неприметный Неруссы поток, зеркальная гладь,

Звукоряд простой гаммы.

Мы с нею течём вдвоём,
Проносся сквозь пространство дорог иного печать.

Надо мною повсюду
Сознание твоё. Светлый дух
Веселится незримым свечением над головой,
Дарит дивное чудо
И сонмом ласковых рук –
Колыханием трав и деревьев – зовёт с собой.

Я так долго искала.
Судьба моя, вот же ты где.
К берегам твоим звёздным и чистым – не счастье ли? –
Мой корабль неустанно
Идёт по живой воде,
Чтоб причалить на тайную пристань моей земли.

Август 2013

Примечания:

¹ Цитаты по книге Бориса Романова «Путешествие с Даниилом Андреевым»

² У Даниила Андреева название этой реки везде с одной «с», современный же вариант предполагает две.